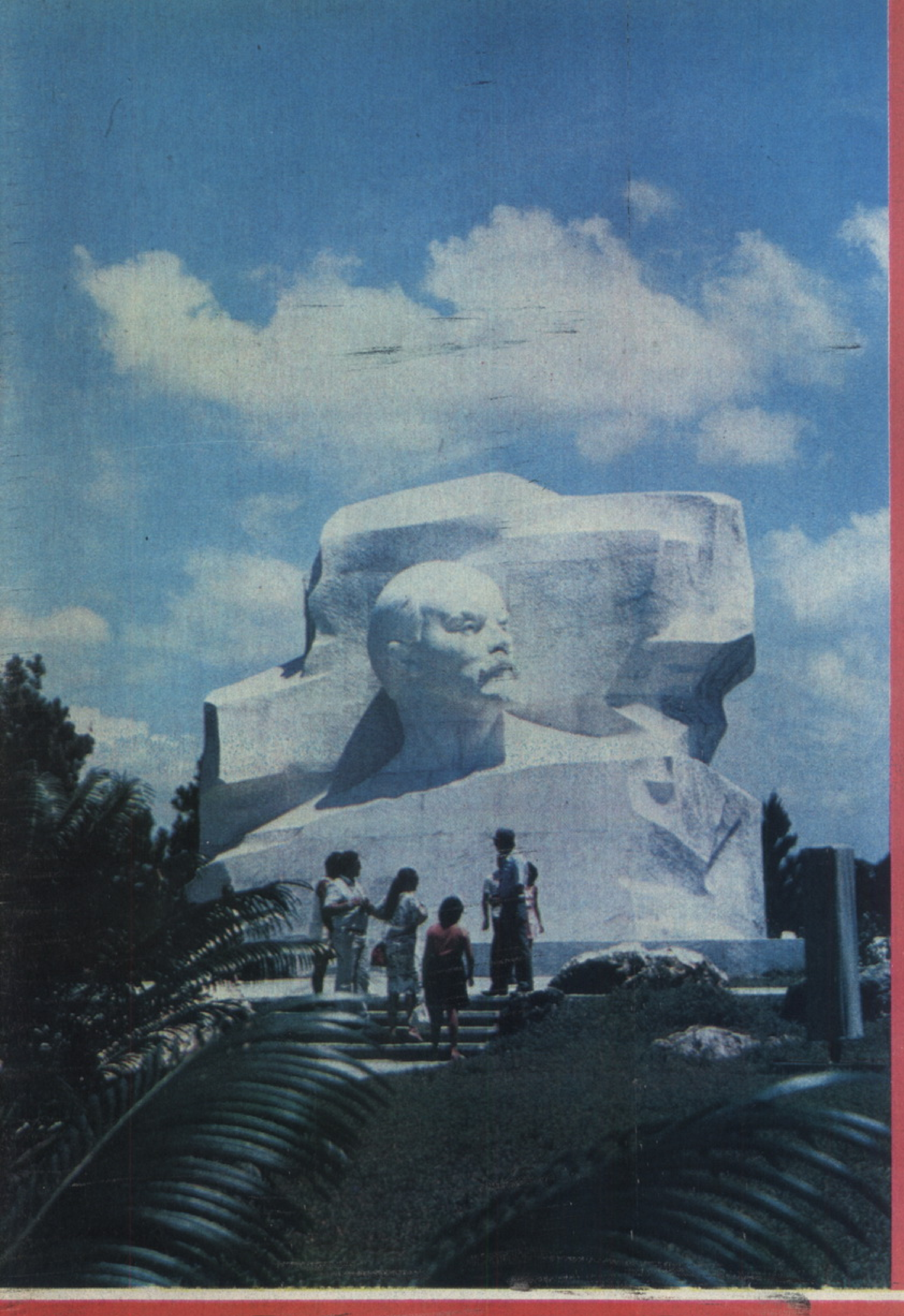

115 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

РОВЕСНИК

ISSN 0131 5904

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 4/85

Апрель

ГАВАНА. 1978.

Социалистическая Куба — первое государство в Латинской Америке, которое принимало у себя с 28 июля по 5 августа 1978 года XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Посланцы 145 стран мира участвовали в этом молодежном форуме. Лозунг XI Всемирного: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

Расширим наши действия в интересах мира во всем мире, разрядки, международной безопасности и сотрудничества, прекращения гонки вооружений и агрессивных империалистических войн, за всеобщее и полное разоружение.

Из «Призыва к молодежи мира», принятого на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване

ШАГИ

ПРИВЕТ ИЗ КОСМОСА
участникам XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов

Пролетая над героическим островом Свободы, передаем горячий привет лучшим представителям молодого поколения планеты, собравшимся на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Цели и задачи фестиваля близки и понятны всем нам. Они отражают мысли и чаяния всего прогрессивного человечества.

Борт космического комплекса «Салют-6» — «Союз-29» — «Прогресс-2», космонавты В. Коваленок и А. Иванченков

СЛОВО К МОЛОДЕЖИ МИРА

Родней АРИСМЕНДИ, первый секретарь ЦК Компартии Уругвая: «Фестиваль на Кубе, безусловно, имеет огромное значение. Идеи братства, объединяющие молодых людей планеты, идеи прогресса, стремление к прочному миру и справедливости — могучая преграда на пути захватнических замыслов империализма».

Габриэль Гарсиа МАРКЕС, колумбийский писатель: «Мне вспоминается сейчас 1957 год, Всемирный фестиваль в Москве. Я участвовал в этом фестивале. В то время в Колумбии был у власти диктатор Рохас Пинилья. И нам, колумбийцам, строго запрещалось ездить в страны за так называемым «железным занавесом». В Советский Союз я приехал нелегально. И я, и мои сверстники, прибывшие в Москву из других стран, увидели тогда главное: реальную жизнь Советской страны. Мы увидели и те проблемы, которые решают советские люди. Впервые мы поняли, сколько лжи обрушивает на социализм буржуазия. То же происходит сейчас. Участники и гости фестиваля открывают для себя Кубу, и мне радостно видеть, как у кубинцев появляется и крепнет чувство, что блокада прорвана».

Фан ТУАН, Герой Вооруженных сил Вьетнама: «Я военный летчик, за войну уничтожил немало вражеских самолетов, за что мне присвоено звание Героя Вооруженных сил Вьетнама. Моя страна крепит оборонную мощь, чтобы дать отпор любому агрессору. Но если вы спросите меня, о чем я мечтаю больше всего на свете, я, не раздумывая, скажу: о чистом, безоблачном небе, о том, чтобы тени военных самолетов не падали на землю моего Вьетнама, о том, чтобы люди нашей планеты жили в мире».

ХРОНИКА ГАВАНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

● В кубинской столице, в здании Академии наук, открыт Центр антиимпериалистической солидарности. Здесь заседает Международный трибунал. В него вошли молодые юристы, прогрессивные политические и общественные деятели многих стран. Слушается дело по обвинению империализма в преступлениях против человечества: в сохранении и поддержании на земле колониальных режимов и проведении политики неоколониализма; в дискриминации людей по цвету кожи; в развязывании агрессий и войн; в насаждении фашизма, террора и насилия.

● Впервые легально приняла участие в Гаванском фестивале молодежь Испании, которая организовала перед поездкой на Кубу сотни концертов, спектаклей, местных фестивалей, а вырученные деньги внесла в фонд Национального подготовительного комитета. В делегацию вошли 153 девушки и юноши, представляющие молодежные организации различных партий. Кроме того, на Кубу отправились молодые художники, артисты, музыканты, поэты.

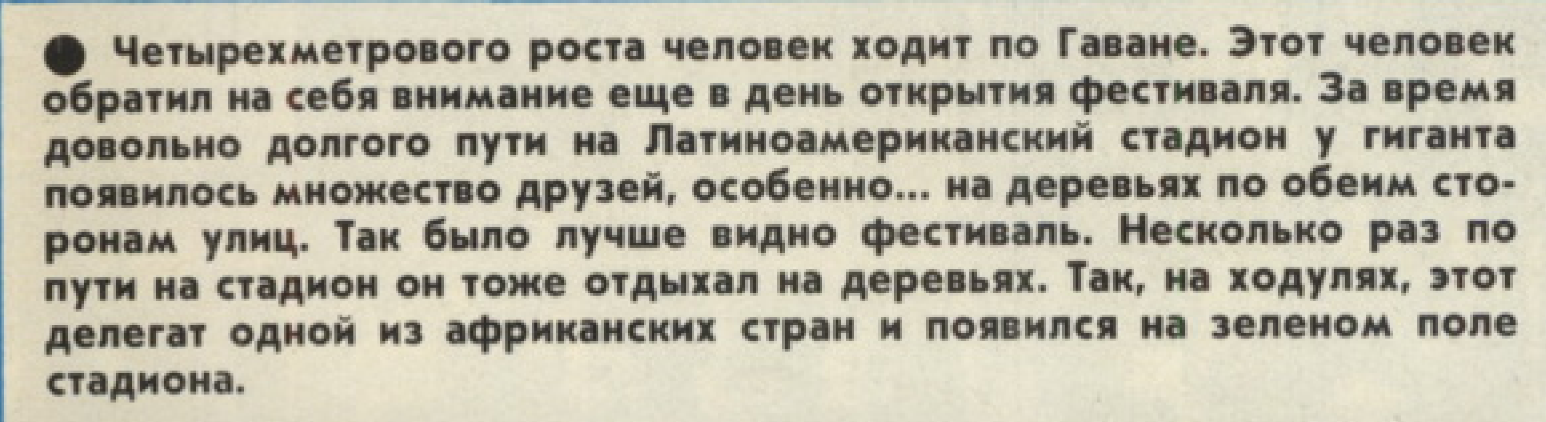
● Делегация Швеции на XI Всемирном наиболее полно представляла свою страну за все годы участия молодых шведов в фестивальном движении. В числе 120 ее членов — посланцы молодежных союзов политических партий, союзов студентов и учащихся.

● «Мой город веселый и красивый!» — такой лозунг провозгласили молодые гаванцы, готовясь к фестивалю. И вот итоги их труда: в столице отремонтировано 8 тысяч зданий, благоустроено 408 парков и 837 скверов.

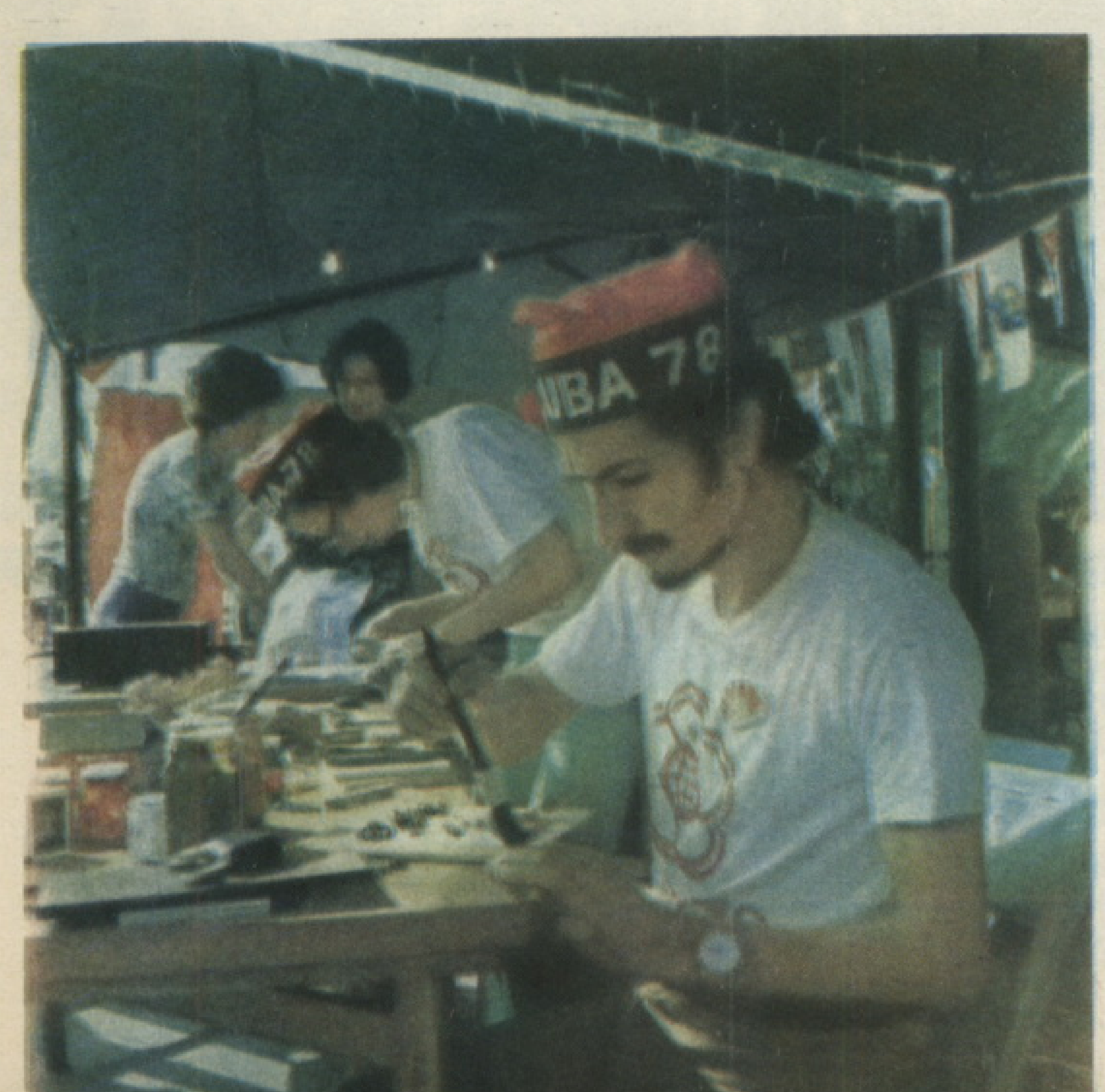
МОСКВА. 1985.

СТОКГОЛЬМ. «Наша федерация, объединяющая ассоциации 68 стран, носит политически независимый характер. Она была основана в 1981 году,— заявила Анн-Мари Енсен, президент Международной федерации ассоциаций студентов-медиков.— Ее задача — улучшение медицинского обслуживания в мире, оказание своевременной и квалифицированной медицинской помощи. Но мы считаем, что наиболее опасная угроза человеку — это не болезни, а угроза ядерной войны. Я уверена, что фестиваль послужит трибуной для распространения правды об угрозе ядерной катастрофы. Всемирный форум в Москве поможет молодежи еще теснее сплотить свои ряды для защиты всего живого на земле».

ХЕЛЬСИНКИ. Демократический союз молодежи Финляндии (ДСМФ) опубликовал заявление, в котором, в частности, говорится, что XII Всемирный фестиваль в Москве явится важнейшим событием Международного года молодежи.

● Четырехметрового роста человек ходит по Гаване. Этот человек обратил на себя внимание еще в день открытия фестиваля. За время довольно долгого пути на Латиноамериканский стадион у гиганта появилось множество друзей, особенно... на деревьях по обеим сторонам улиц. Так было лучше видно фестиваль. Несколько раз по пути на стадион он тоже отдыхал на деревьях. Так, на ходулях, этот делегат одной из африканских стран и появился на зеленом поле стадиона.

ПРАГА. Журнал «Млади свет» совместно с ЦК Социалистического союза молодежи Чехословакии предложил читателям выбрать две кандидатуры для бесплатной туристской поездки на фестиваль в Москву. Каждый читатель может выдвинуть одну, две и больше кандидатур и рассказать, почему именно его (или ее) он считает наиболее достойным. «Доводы,— пишет «Млади свет»,— могут быть самые разные, только взгляд должен быть объективным». Два представителя читателей журнала на Московском фестивале станут известны в июне 1985 года.

БИСАУ. В пригородном государственном сельскохозяйственном кооперативе прошел субботник, в котором приняли участие молодые жители столицы Гвинеи-Бисау и посланцы Ленинского комсомола, совершающие круиз по странам Европы и Африки на борту теплохода «Латвия», посвященный XII Всемирному.

ХАНОЙ. «Пусть будет зеленой планета» — под таким девизом проходил международный конкурс детского рисунка, объявленный вьетнамской газетой «Пионер» и посвященный ее 30-летию и XII Всемирному. В конкурсе приняло участие более двух тысяч школьников из 15 стран мира. В столице СРВ открыта выставка лучших работ.

ГАВАНА. Молодежная бригада имени XII Всемирного из города Матансаса первая в республике, работая на тростниково-уборочных комбайнах, собрала миллион арроб (11,5 тысячи тонн) сахарного тростника. Как сказал ее бригадир корреспонденту газеты «Хувентуд ребельде», ребята решили собрать 8 миллионов арроб тростника в честь Московского фестиваля.

«Круглый молодого

Далекий от мысли выставлять себя тертым калачом фестивалей, я все-таки думаю, что будет полезно поделиться кое-какими своими впечатлениями о завершающейся в Москве встрече молодежи. Я был на предшествующих всемирных фестивалях, но Московский кажется мне непохожим на них. Потому, что он проходит в Москве, и потому, что он проходит теперь, в 1957 году.

Он мне показался менее «парадным», чем предыдущие. Конечно, и тут были улыбки, танцы, песни, пестрые костюмы, платки и обмен значками. И тут по всякому поводу раздавалось «мир» и «дружба», но этот порыв был лишь дополнительным украшением для главного — более глубоких дискуссий и обогащающих душу знакомств. Фестиваль ничего не потерял в своих внешних атрибутах, это они потеряли свое главенствующее место на фестивале.

На прошлых встречах делегаты были по большей части едины в отношении вопросов дня. Теперь этого нет. Нельзя сказать, чтоб поубавилось разногласий, поскольку сами делегации стали шире, представительней с точки зрения разнообразия взглядов. Дело в другом. Встреча молодых французов и вьетнамцев[1] в Бухаресте меня потрясла. Тогда французы все, как один, были согласны, что против «грязной войны» во Вьетнаме нужно бороться, и эта встреча лишь укрепила их в этой уверенности, придала им новые силы для борьбы, на путь которой они уже вступили. На Московском фестивале не все французские делегаты были единого мнения о решении алжирской проблемы. Но оказалось, что можно спорить, и что доводы, ранее предвзято отбрасываемые, наконец рассмотрены, и что недопускаемые доселе мысли наконец пробили барьер. Не такие засоренные глаза, не такие замкнутые умы, больше открытых рук, нежели сжатых кулаков, вернутся из Москвы.

Конечно, это мои личные впечатления, возникшие у меня после двух недель, после ночей без сна, после приемов, гала-концертов, встреч, конференций, прогулок, свиданий, где поют, читают стихи, едят, исповедуются, лижут мороженое, заявляют и вещают, и я, как все, не имел времени черкнуть несколько строчек в блокнот и расставить мысли по местам. Дело тут не в том, чтобы упрекнуть в чем-то предыдущие, просто нынешний фестиваль, я уверен, другой и богаче.

То, что местом его проведения стала Москва, позволило приехать на него более представительным делегациям: хотите вы того или нет, но Москва — фантастический город, и от ее «приглашения» не отказываются. Никогда

[1] *С 1945 по 1954 год Франция вела колониальную войну с Демократической Республикой Вьетнам (с 1976 года Социалистическая Республика Вьетнам), образовавшейся в результате Августовской революции 1945 года, а с 1954 по 1962 год французские войска воевали против Фронта национального освобождения Алжира, против антиколониальной, национально-демократической революции.— Примеч. ред.*

СТОЛ» ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Жан-Пьер ШАБРОЛЬ,
французский писатель,
кинорежиссер

еще ни один фестиваль не собирал вместе столько представителей самых противоположных убеждений. Я уверен, что он войдет в историю, и уже сейчас его можно считать самым громадным «круглым столом», за который когда-либо садилось человечество. Москва и ее люди дали миру урок антиформализма. Это был не самый маленький сюрприз для тех достаточно многочисленных делегатов, которые приехали на ее землю с чемоданами, набитыми полуфабрикатами злорадства и хулы.

Минуло время слез и смеха, естественно чередовавшихся во время других фестивалей на лицах людей, настроившихся именно на то, чтобы всем вместе смеяться и умиляться. Здесь тоже были и смех, и слезы, и объятия, но их причины были глубже, и след они оставили внушительней.

И в Берлине, и в Бухаресте я видел, как обнимались люди, чьи страны воевали друг с другом, а они были единомышленниками — боролись за мир. В Москве я видел, как беседовали — и часто, надо сказать, доказательно — люди, которые у себя на родине были врагами. Труднее и полезнее заставить говорить между собой вторых, чем обниматься первых.

Я встречался с израильтянами. Их двести человек, и они образуют единую делегацию, что само по себе многое значит. Половина из них — сионисты с откровенно антиарабскими настроениями — отказывалась ехать вместе с другой половиной — активных борцов за мир. Теперь они поселились в одной гостинице, они вместе живут. Почти все они военнообязанные, у каждого с собой приписное свидетельство и призывная повестка на сентябрь, уточняющая, что в случае неявки виновный будет предан военному трибуналу. Есть у них и листок «для отъезжающего в зарубежные страны». Этот листок напоминает им, что они — израильские солдаты и в случае войны должны немедленно явиться к послу, который автоматически становится их боевым командиром.

У многих из них уже были сложившиеся предубеждения. Едва приехав, они ринулись в город искать израильские флаги и пришли в недоумение, увидев, что флаги есть. «О, это неспроста!»,— решили они. Любому своему открытию они находили объяснение, не противоречившее их взглядам: «Если москвичи прилично одеты, то их одели специально для фестиваля; если они едят досыта, значит, кому-то нужно, чтобы они меньше думали» и т.д. Я ничего не выдумываю. Но в Москве желчная болезнь проходит быстро, и нередко случается то, что уж и предвидеть было бы трудно. Один израильтянин, посмеиваясь, заявил мне: «Перечитал тут свой «листок». Выходит, если начнется война, я должен лететь к послу, щелкнуть каблуками, схватить револьвер, поехать на площадь Маяковского и там бац, бац!..» Да, шовинизм и фанатизм сильно пострадали за две недели фестиваля.

Глупо было бы утверждать, что все международные вопросы отныне улажены и что теперь «все идет к лучшему в нашем лучшем из миров». Но многие уже не смогут утверждать, как раньше, что все-де идет к худшему в этом чуждом для них мире. И, думая об этом мире, вдруг да возникнет у них чувство светлой грусти по той музыке, которая была, будто партией ударных, чудесно приправлена «миром» и «дружбой». Наитвердейшие убеждения были поколеблены неумолимо очевидными фактами.

Шаги тех, кто ходил по Кремлю, долгим эхом отдаются в их сознании. Эта долгозвучность идет из глубин веков древней России, из магии вечевого слова «Кремль»: погребального для одних, заутреннего для других. Видели делегаты ночное небо с прожекторами, фейерверками, залпами салютов, звоном труб — как в восточной сказке. Многие сумели увидеть эту «тысяча вторую» ночь. Многие имели возможность вечером 5 августа присутствовать на ужине, данном правительством. Одни — с любопытством американского телезрителя, другие — с радостью и по-братски искренно, но все сознавали, что переживают неповторимые минуты, и устремляли взгляд в будущее.

Москвичи не скрывали свою гордость тем, что их Кремль открыт для молодежи всего мира. В том общенародном порыве, с которым встречали делегатов и который не только в своей откровенности, но и в невиданной силе превзошел все, что участники прежних фестивалей видели в других столицах, многие признали не только энтузиазм, свойственный такого рода встречам, но и ликование самого народа, встречающего у себя весь мир. Вопреки клевете посланцы всех стран мира сумели узнать этого незнакомца — советский народ. Ни самые лучшие книги, ни самые реалистические фильмы не смогли бы выразить его величие, его самоотверженность, его проникновенный образ, который рождался в импровизированных беседах, в коллоквиумах на булыжной мостовой Красной площади. Вот воспоминания молодого человека. Он был одним из тех детей осажденной фашистами Москвы, которых эвакуировали на Волгу. Там он жил в деревне. Он вспоминает:

— Когда кончилась война, мы были так рады, так рады, что вы и представить не можете. Все смеялись. Даже мухи в доме смеялись. Понимаете, это был конец войны, конец смерти! В нашей деревне все мужчины, кроме двух, были убиты на фронте. Двое вернулись в один день, всех остальных убили. И деревня не знала, что делать: то ли радоваться, что кончилась война и двое вернулись живыми, то ли голосить над погибшими.

Даже антикоммунист, не меняя своих взглядов, хочет пожать руку этому юноше, которому пришлось пережить такое. Он хочет это сделать вовсе не потому, что его «обработала пропаганда», он хочет пожелать этому юноше, чтобы никогда больше тому не пришлось пережить день радости и боли, когда мертвых было больше, чем живых.

Как Советский Союз выстоял в войне с гитлеровцами! Как удалось так быстро завершить восстановление! Каким чудом!

— Наш народ,— принимается с гордостью объяснять коммунист.

— Наша партия,— объясняет прохожий.

Владимир-Ленин Чесноков, двадцати четырех лет, которого я в конце концов стал звать попросту Владлен, как зовут его близкие, потому что он тоже стал мне близким, иногда не может сдержать своего восхищения:

— Мы живем в чудесную эпоху! Она началась, когда часы в Кремле, которые велел починить Ленин, зазвонили «Интернационал». Даже наш реактивный Ту скоро будет катать детишек в парках. Пять рублей в час, как на лодочной станции.

Доверие к своей партии, к своему правительству, спокойная уверенность советских людей поразили тех, кто ждал чего-то другого. Нашлись, конечно, и такие, которые отнесли это на счет фанатизма, иными словами, коллективного умопомрачения, но и они задумались, их предубеждения были поколеблены, это неизбежно, потому что фестиваль дарит не готовые формулы, а ключи разума и порядочности.

Самые оголтелые убедятся наконец, что народы могут договориться между собой не только с помощью штыков. В этом VI фестиваль достиг своей основной цели: его девиз не остался только лозунгом «Мир и дружба», он вошел в сердца участников.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

В романе Толстого «Война и мир» накануне Бородинской битвы Андрей Болконский говорит Пьеру:

«— Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции.

— А от чего же!

— От того чувства, которое есть во мне, в нем,— он указал на Тимохина,— в каждом солдате».

Чтобы увидеть, что чувствует русский солдат — командир и подчиненный, рядовой на фронте и в тылу,— можно путешествовать долго. От скалистых берегов полуострова Рыбачий за Северным полярным кругом, где, словно бедуины, в белых маскхалатах одинокие фигуры следят за противником и предупреждают военное сопровождение транспортных судов, до усеянных дотами высот осажденного Севастополя — фронт протянулся на тысячи километров. И повсюду вдоль извилистой линии фронта вы увидите, как он стреляет из снайперской винтовки, спрятавшись в ветвях высокого дерева, ведет артобстрел по блокгаузам противника под Ленинградом, преодолевает растаявший лед «Дороги жизни» на Ладожском озере, скачет на степном коне по разбитому снегу северной Украины и по пояс в воде сгружает с баркаса боеприпасы на крымский берег.

Однако, чтобы понять, что на душе у русского солдата, вовсе не обязательно уезжать из Москвы. И во фронтовой столице можно увидеть, насколько сильны его уверенность в победе и моральный дух,— именно в них главная причина остановки германской армии, отнюдь не в ее неподготовленности к русской зиме. В Москве вы встретите юного новобранца, неуклюже стоящего в строю на городской площади, и не менее юного ветерана, побывавшего на фронте и теперь значительно шагающего рядом с боевыми товарищами, молодого лейтенанта, аплодирующего каждому пируэту балетных танцоров, и политрука с открытым, умным лицом, на пару дней между боями вырвавшегося в город послушать лекции, и раненого в госпитале, которому не терпится снова встать в строй.

Каждый запечатлел свою картину войны. Один вспоминает вращающееся колесо немецкого мотоцикла, в то время как его водитель уже лежал рядом, убитый. Другой рассказывает, как в Ростове снежинки падали на лица мертвых мирных жителей, про разбитые танки и машины вдоль дороги. Третьему запомнилось, как у деревни их полк встретил конный знаменосец партизанского отряда, который всю зиму провел в землянках в лесу и воевал с врагом.

У них разные характеры, разные национальности, разный военный опыт — и все же у них много общего, из чего не так трудно вывести некий единый образ русского солдата.

Начнем с того, что это обычный советский гражданин. У русских нет военной касты, и к кадровым военным отношение то же, что и к бывшим гражданским. Нет разницы в отношении к военным и невоенным и в мирное время.

Политическое руководство армии занято не только политическим воспитанием бойцов, но и непосредственно участвует в боевых действиях. В задачу политработников армии также входит расширять кругозор солдат, детально информировать и объяснять задачи готовящихся операций и их тактику.

Тяга к знаниям у советских людей, как военных, так и невоенных, просто поразительна — исконная рус-

---

Фрагменты из очерков, напечатанных в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин» в марте и декабре 1942 года.

Ральф ПАРКЕР,
английский журналист

ЧЕЛОВЕК, остановивший ФАШИЗМ

ская любознательность, отмеченная иностранцами еще в семнадцатом веке, наконец нашла себе выход. Чтобы удостовериться в этом, достаточно увидеть, как солдат Красной Армии проводит свой досуг.

Сейчас в стране идут два параллельных процесса — массовая подготовка инженерных и офицерских кадров. И тот и другой проходят в удивительно сжатые сроки. Скорость, с которой русские поглощают знания, просто невероятна, но уже с заводов и фронтов поступают ободряющие вести — ученики хорошо усвоили материал.

Родители у многих молодых людей в этой стране были неграмотны; вспомните: в первой мировой войне русская армия на восемьдесят процентов состояла из неграмотных солдат. Нынешний молодой русский стремится воспользоваться предоставленной ему возможностью учиться. Советские люди в Москве в жуткий мороз стоят в длинных очередях у газетных киосков, заполняют залы библиотек, толпятся среди полок книжных магазинов. Некогда неграмотная Россия полюбила музыку, балет и книги, и молодые советские люди по-прежнему верны этой привязанности.

Начиная с гражданской войны здесь стали очень популярны песенки, так называемые частушки. Их сочиняют и поют повсюду, и особенно в Красной Армии. В этих куплетах острым и ярким языком говорится о самых последних событиях. Молодые поэты, сотрудничающие с газетами своих воинских частей, пишут баллады о подвигах местных героев, и их поют не только в армии, но часто они доходят и до тыла и становятся фольклором в родных деревнях героев.

Русский солдат проявляет большой интерес к техническим вопросам, и если вы спросите мнение советского танкиста об английских танках или летчика о самолетах, то услышите детальное объяснение преимуществ и слабостей этой техники. Если вы спросите солдата в госпитале, где он получил ранение, он расскажет не только о себе, но и объяснит, как проходила вся боевая операция, ее задачи и тактику. В главной армейской газете «Красная звезда» постоянно печатают глубокие научные разборы типичных военных операций.

Когда поближе знакомишься с русским солдатом, видишь, насколько абсурдно бытующее за границей мнение, что он не более как примитивный, неразвитый исполнитель приказов. Столь же абсурдно утверждение, будто верховное командование русских, располагая огромными людскими ресурсами, решает военные задачи ценой неоправданных человеческих жертв. Моральное единство русских солдат вовсе не означает примитивизм. Наоборот — их мысль остра, внимательна, сфокусирована на одной задаче, свободна от неуверенности и сомнений. Каждый солдат несет ответственность на своем участке войны, от каждого командира требуются инициатива и знания.

Бережное отношение к людским ресурсам — одна из фундаментальных основ советской военной стратегии. В холодную зиму 1941/42 года, чтобы ускорить доставку раненых с поля боя, число санитаров на фронте было увеличено, врачи на передовой делают все возможное,

чтобы уберечь солдат от ампутаций[1].

Обычно любой солдат, находясь на фронте, испытывает беспокойство по поводу того, что с его семьей, и делает ли тыл все возможное, чтобы обеспечить армию. Но в этой социалистической стране все обстоит иначе: советские люди как само собой разумеющееся считают, что в этот тяжелый для страны час государство позаботится и о материальной базе армии, и о солдатских семьях, оставшихся в тылу. Несмотря на то что при столь широкомасштабной эвакуации многие близкие оказались оторванными друг от друга, они верят в благополучный исход — так они уверены в Советской власти.

Русский солдат — это человек, который улыбается, когда видит, как от его танка бежит испуганный цыпленок, и плачет, когда вынужден оставить деревню, куда вот-вот вступит противник, и не может взять в свой танк крестьянку с детьми. Для него естественно защищать свою страну; он ценит командира за заслуги и ждет от него толковых инструкций; его чувства в простых вещах — береза, восход, ребенок, ласточка; он уважает в людях добро и мужество. Его любознательность не знает границ.

— О чем ты думаешь перед атакой! — спросил я одного русского летчика.

— Мне интересно, как поведет себя противник,— сказал он.

Русский солдат обладает великой уверенностью в своих силах, и, изучив методы противника, он думает, какие контрмеры будут наиболее эффективны. Он патриот, защищающий Родину, социалистический образ жизни от фашистского мракобесия, верящий в правоту своего дела.

Нанося могучие удары, Красная Армия продвигается вперед. За последние два месяца она провела множество кровопролитных оборонительных сражений, остановила нацистов и перешла в наступление. Это армия, не признающая поражений, она — гораздо больше, чем прекрасно отлаженная военная машина. Она — сгусток воли русского народа, его непреодолимого стремления к победе. В чем причина того, что русский солдат так упорен и самоотвержен в борьбе! Может быть, социализм создал новый тип человека!

Я задал этот вопрос советскому политическому деятелю. Он улыбнулся и перевел разговор на другую тему. Русский солдат всегда был смел, сказал он, но в стране произошли коренные изменения, изменились жизнь и интересы людей, изменилось и их отношение к жизни.

Действительно, смелость всегда была в характере русских. И как в Крымскую войну 1853—1856 годов артиллеристы защищали Малахов курган, так и сейчас, когда гитлеровцы заняли позиции 35-й батареи в Севастополе и, стоя на крыше сооружения, где находились оставшиеся в живых артиллеристы, потребовали, чтобы те сдались, русские взорвали себя вместе с врагом.

Все двадцать пять лет социализма советский человек воспитывался в духе гуманизма, его учили презирать частнособственнические и агрессивные инстинкты, но при этом социализм не становился мягкотелым: советский человек оказался прекрасным солдатом.

Знали ли те, кто двадцать пять лет назад вел за собой Россию в революцию, каким станет человек, который примет на себя защиту Родины! С самого начала партия большевиков учила советского человека делать историю самому, не ждать, когда за него все сделают другие. Жизнь ковала его характер. Максим Горький писал: «Перед тобой красная, бесформенная масса, злая, жгучая... Она плюет в тебя шипящими, огненными плевками, хочет выжечь тебе глаза, ослепить, отшвырнуть от себя. Она живая, упругая... И вот сильными ударами с плеча делаешь из нее все, что тебе нужно». Этот образ, мне кажется, прекрасно подходит к советскому человеку.

Сыграли роль качество металла и мастерство кузнецов. Судьба не баловала Россию — ее металл создавался веками страданий и бесконечной борьбы. Социализм привнес идею, свою концепцию смысла жизни и назначения человека, ставшую общепринятой в этой стране, и душевные силы народа, долго подавляемые в нем, свободно выплеснулись наружу.

Я всякий раз удивляюсь, когда узнаю, что у той или иной скромной, естественной, милой молодой женщины, занятой изнурительной работой на заводском конвейере в Москве, оказывается героическая биография. Одна из них во время Гражданской войны в Испании, рискуя жизнью, спасала детей, другая только что вернулась из партизанского отряда, третья, спокойная женщина лет двадцати, дочь известного большевика, вернулась с фронта, где выполняла опасное задание, а теперь ухаживает за раненым мужем. В их самоотверженности и героизме есть что-то от русских революционерок прошлого, но к тому же они уверены в себе и, самое удивительное, абсолютно естественны и даже будничны. Это нечто новое.

Недавно я спросил у одного иностранного дипломата, который уже двадцать лет как не был в России, что теперь удивляет его больше всего. И он сказал, умение русских организовываться. Для этого, продолжал он, необходимы огромная самодисциплина и умелое руководство, чего никогда не было в России до революции.

Советский человек чувствует себя частью единого общества, и это чувство не позволяет стоять в стороне от конвейера на заводе, выпускающего нужное фронту, или от передовой позиции на поле боя.

На мой взгляд, самым характерным примером того, что чувствует сейчас советский человек, может служить статья-исповедь полковника Красной Армии, недавно напечатанная в «Красной звезде». Вот некоторые выдержки из нее, которыми я хочу завершить эту статью:

Родина и семья — самое дорогое в жизни человека... Моя жизнь и жизнь моей семьи во многом связаны с пороховым заводом и Пороховой слободой, и хотя это не самое красивое место на земле, дома здесь были низкие, а улочки серые, много пьяных, да и детство мое не назовешь счастливым, но все же мне дорого это место, и я всегда буду помнить о нем.

Мы жили в маленьком доме, таком же, как другие, с садиком и скамейкой у забора. Но если ты в нем родился, в нем жили твои родители и здесь тебя, двенадцатилетнего мальчишку, мать будила на работу, этот дом становится тебе очень дорог.

Мой отец очень старый человек. До революции он участвовал в забастовках, работал в революционном подполье. Он многое повидал на своем веку. Мать тоже жива. Сначала она была прислугой, потом работала на заводе. Отец и мать мечтали, что их дети будут счастливее. Если бы не революция, их мечтам не суждено было бы осуществиться. Мой брат стал инженером, а я в тридцать лет уже полковник.

Так много изменилось, так многого мы добились, так много построили своими руками, что иногда забываем, как жили раньше.

Поколение моих родителей острее помнит прежнюю жизнь, потому в своих письмах отец и мать с таким гневом говорят о фашистах, которые пришли уничтожить все, что создано нами. Потому, едва началась война, они уже были готовы на любые испытания, любые жертвы, на какие только способно открытое сердце русского рабочего человека.

Вся семья приняла участие в войне. Брат Леонид командовал ротой пехоты. Младший брат Владимир пошел на завод, где производят военные самолеты, сестра — на пороховой завод.

В декабре мы пережили тяжелую утрату. Под Тихвином погиб Леонид. Дома до сих пор не могут в это поверить. Мать — религиозная женщина и всегда пишет: «Благослови тебя господь, сынок», и хотя я не верю в бога, я не спорю с матерью, потому что благословение матери свято. Нашей семье, как и всем советским людям, сейчас нелегко.

Семья — самое дорогое, что есть у человека. В нашей стране даже лишившийся семьи найдет братьев в товарищах по оружию, которые помогут ему в бою и в горе. И в мирное время нашу страну называли семьей народов, а теперь мы сражаемся как одна семья — народ за народ, брат за брата. Тех, кого нельзя разделить, победить невозможно.

Перевел с английского
В. СИМОНОВ

---

[1] *За время войны возвращено в строй 72,3 процента раненых.— Примеч. пер.*

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

ДАНИЕЛЬ СТРАКА

о себе и своей профессии

М. ШИШКИН, наш спец. корр.

— А я еще вчера обратил на вас внимание. Вы сидели вон за тем столиком. Даже помню, что вы заказали. Вы что-то записывали в блокнот и все время наблюдали за мной. Я даже подумал, не проверка ли. А сегодня говорят, что со мной хочет поговорить корреспондент из Москвы. Я сначала наотрез отказался. Чего это у меня будут брать интервью, я же не кинозвезда какая-нибудь. А потом подумал: не все же актерам да писателям про свою жизнь и творчество рассказывать. Пусть хоть раз и официант про свою жизнь и творчество расскажет. Вы хотите улыбнуться? Мою-то работу я называю творчеством? Улыбайтесь. Конечно, смешно, если сравнить: как музыкант, например, пишет музыку, и я тут между столиками кручусь. Но об этом потом.

Меня зовут Даниель Страка. Мне двадцать один год. Выгляжу старше? Это из-за бабочки. Моя профессия — кельнер, по-вашему, официант. Окончил среднюю школу общественного питания. Работаю в ресторане «У муниципалитета», это один из самых больших ресторанов в Праге. Вот и вся биография. Не густо? Так у меня еще все впереди.

Вот вы спрашиваете, почему я стал официантом. А мне теперь даже странно представить себя по-другому. Я лично не нахожу ничего такого в том, что я стал кельнером. Ведь хотят же люди стать строителями, врачами, шоферами. А я захотел стать кельнером.

В семье у нас никого кельнеров не было. Отец — монтер, обслуживает лифты. Мама работает в сельскохозяйственном кооперативе. А вот дядя у меня кельнер. Но сказать однозначно, что именно он повлиял на мой выбор, нельзя. И да и нет. Просто, когда я был маленький, я прибегал к нему, где он работал. Это совсем маленький подвальчик, и сидели там, как правило, только завсегдатаи: друзья собирались посидеть вместе после работы. Дядя был у них первым человеком. Я был тогда совсем еще маленьким, но мне тоже хотелось быть таким уважаемым человеком, как дядя.

Я работал и учился одновременно. За целый день набегаешься так, что ноги гудят, перед глазами все мелькает, в голове — звон тарелок, а садишься за учебники. Потому что без образования теперь никуда не пойдешь. И в официанты тоже.

Да-да, я понимаю, что вас интересует. Молодой парень, перед которым в жизни все дороги, а выбрал себе ту, которая все-таки отдает «лакейством» — всем учтиво кланяться и прислуживать. Есть еще некоторые, что так думают, хотя наша чехословацкая школа обслуживания во всем мире известна. Наших официантов приглашают и преподавать в другие страны, и на все международные выставки. Но это уже потом узнал, когда учиться начал.

В жизни мы часто подчиняемся стереотипам мышления. Вместо своего взгляда на вещи пользуемся уже готовым. И это, бывает, мешает жить. Взять те же профессии. По стереотипу они делятся на «престижные» и «непрестижные». Сами посудите: одно дело, если человек работает редактором на телевидении, и совсем другое, если уборщицей в подземном переходе. Такое деление работ «по престижности» возникло не сейчас. Это пережиток прошлого, я думаю. Это пришло к нам даже не из буржуазного общества и даже не из феодального. Это пережиток эпохи рабства, когда патриции наслаждались беседами, а всю необходимую, но «грязную» работу делали рабы. А ведь если посмотреть на вещи здраво — «грязных» работ нет и быть не может. Любая работа, если она идет на пользу людям, чистая. Ведь если разобраться, что такое общество? Это когда люди объединяются, чтобы помогать друг другу жить. Даже в доисторические времена люди жили племенами, родами. А с развитием цивилизации началось разделение труда: кто-то всех одевает, кто-то кормит, кто-то для всех пишет книжки. Это естественно. Мы все оказываем друг другу услуги. Придет ко мне пообедать телемастер, я его обслужу. Сломается у меня телевизор, он меня обслужит.

И потом, человека ведь уважают не за должность. Уважают за то, как он ее исполняет. Можно сидеть и в директорском кресле, а никто уважать не будет.

Хорошим официантом быть трудно. Для этого быстро приносить и уносить тарелки мало. Нельзя стать хорошим официантом, не став хорошим психологом. Ведь официант

работает не с тарелками — с людьми. Люди приходят в ресторан не только, чтобы пообедать, но и просто посидеть, отдохнуть, короче говоря, получить заряд хорошего настроения. И какими они уйдут отсюда, отдохнувшими, бодрыми или, наоборот, раздраженными, зависит и от меня.

Приходит человек и молча садится за стол. Казалось бы, что я могу о нем знать? И тем не менее я уже знаю о нем многое. Возраст, одежда, выражение лица, глаза, руки — все это иногда может рассказать о человеке больше, чем он сам. Невозможно со всеми людьми обходиться по какому-то установленному шаблону. Сколько есть людей, столько раз нужно к каждому искать индивидуальный подход. С кем-то лучше завести шутливый разговор, пусть даже о погоде, с кем-то лучше просто молчать, например, с влюбленными, им и так хорошо, кому-то, особенно если это иностранец, можно посоветовать, какое блюдо из нашей национальной кухни выбрать, и так далее. Варианты бесконечны. Вот вам и творчество. А без творчества любая работа покажется скучной.

Все прекрасно, если гость пришел веселый, доброжелательный. Ну а если за твой стол сел кто-то раздраженный, уставший, привередливый? Что тогда? В английском языке есть хорошее выражение — keep smiling. Здесь самое главное не попасть в его эмоциональное отрицательное состояние, а, наоборот, подавить его своим, положительным. Конечно, это трудно. И если поддашься, то плохое настроение испортит весь день. Когда обслуживаешь таких посетителей, на помощь приходят профессиональные тонкости и приемы. Хочет гость пересесть за другой стол? Пожалуйста. Хочет к блюду другой гарнир? Пожалуйста. И главное — улыбка. Проходит каких-нибудь пять минут, и он уже тоже улыбается.

Конечно, бывают и смешные случаи. Правда, для кого как — для кого смешные, а для кого драматичные. Например, если официант грохнется на пол с полным подносом. Это же профессиональный позор! Это как если поэт издаст книжку с плохими стихами. Помню, еще на практике я принес из кухни в зал целый поднос, кормили какую-то туристскую группу. Как сейчас вижу, там были кнедлики с капустой. Поставил поднос на стол. А стол узенький. Я стал брать тарелки, но не с краю, а сверху. Центр тяжести сместился, и все мои кнедлики с капустой загремели на пол. Какой это был ужас! Я, помню, долго еще по ночам просыпался в холодном поту, все мне снились падающие кнедлики.

По-моему, любую работу приятно делать, если делаешь ее хорошо. Это для себя, а в целом для общества я вижу такую цепочку. Представьте себе, что будет, если я обслужу посетителей плохо? Телемастер с полным правом плохо починит мне телевизор. Редактор телевидения покажет мне в выходной какую-нибудь халтуру. Уборщица оставит в подземном переходе кучу грязи. Это ведь такое начнется, что за полвека не расхлебаешь. Начинается с малого, а кончается бедой. Я читал в газете: там разбирали причины одной авиакатастрофы, и оказалось, что просто кто-то недостаточно крепко завернул гайку. А погибли люди. Просто потому, что кто-то недобросовестно выполнил свою работу.

Казалось бы, принес, унес, рассчитался — и все дела. Не так-то все просто. Если хотите, то от меня, Даниеля Страки, тоже зависит экономика страны. Судите сами. Придет ко мне какой-нибудь уставший человек в самом что ни на есть плохом настроении. Я постараюсь его получше и побыстрее обслужить, поговорю с ним, пошучу. Он не только пообедает, он отдохнет, как говорят, отойдет. А он, допустим, парикмахер. Он придет отдохнувший на работу и пострижет какого-нибудь рабочего по своему высшему классу. Тот довольный придет к себе в цех... И так далее, по цепочке. А там, глядишь, и по всей Чехословакии производительность труда повысится. На какую-то сотую, пусть даже тысячную процента, но все-таки повысится. А если каждый на рабочем месте работает по высшему классу? Это уже не сотые и не тысячные, а реальные проценты! Реальные продукты питания, машины, дома.

Конечно, у нас тоже есть свои и радости и огорчения. Радости — когда люди уходят от тебя довольные и говорят тебе, улыбнувшись, спасибо! А ты им тоже улыбаешься и говоришь: не за что, приходите еще. Это приятно. А огорчения... Позавчера, например. Полный ресторан, ни одного свободного столика. Запарка, одним словом. Кручусь как белка в колесе. А один нетерпеливый посетитель стал на меня кричать. А мне обидно. Он же видит, что я не в потолок плюю, что я бегаю, для него же стараюсь.

К вопросу о чаевых. Сложный вопрос. Одни считают, сколько существуют на свете официанты, столько существуют чаевые. Другие вспоминают газетные дискуссии двадцатилетней давности: чаевые — это пережитки. Это такой вопрос, что каждый человек должен решать его для себя сам. Я лично решил. Я всегда сдачу отсчитываю до геллера. Но если гость говорит спасибо и просит оставить сдачу себе, я не отказываюсь. Сейчас объясню почему. Гость видит, что я обслужил его хорошо. И он хочет меня как-то отблагодарить. Ведь это естественно, доброта рождает доброту. Эта пара крон ни для меня, ни для него ничего не значит. Но если я откажусь, он обидится. И это тоже естественно, я бы на его месте тоже обиделся.

Вот еще интересный момент — когда за твой столик садятся иностранцы. Хочется обслужить их получше, ведь часто только из таких встреч, с официантом, шофером такси, продавцом, складывается его представление о людях, о нас, чехах. Это вполне естественное желание, но только если ради иностранцев не забываешь о своих. А если забываешь — это уже «лакейство» и это неправильно. Надо всех, неважно, кто сидит перед тобой, парижанин или крестьянин из моравской деревни, обслуживать по высшему разряду. Ведь нация проявляет себя не столько по отношению к иностранцам, сколько по отношению к самой себе.

Я член Союза социалистической молодежи Чехословакии. На собраниях мы говорим о своем отношении к делу. Ребята пожимают плечами: ну какое может быть у нас особое отношение к делу, у официантов в ресторане? А все очень просто. Дело членов ССМ — выполнять свою работу в совершенстве. Быть хорошим членом ССМ для шофера — значит быть хорошим шофером. Для официанта — быть хорошим официантом. Для молодого писателя — быть хорошим писателем. Но все же этого мало.

Любая работа для человека все-таки сводится к выполнению определенных функций. Но я, например, сам чувствую: в функции официанта я не умещаюсь. Мне в них тесно. Ведь нигде не написано, ни в каких правилах, что в обязанности официанта входит поговорить с посетителем, объяснить человеку, который в Праге впервые, как ему лучше проехать, рассказать, какие сейчас в городе выставки, какие есть интересные музеи. Помню, вон за тем столиком у окна сидели ребята из ФРГ, что-то долго искали на карте. Оказалось, что это студенты-филологи, хотели найти дом, где жил Франц Кафка. Я рассказал им о всех домах, где он жил, ведь его семья часто переезжала.

Чему я научился на моей работе? Понимать людей. Не знаю, какая еще профессия может научить этому? Разве только профессия врача. Да и то к врачу люди идут, когда у них что-то болит, а ко мне каждый день. Научившись понимать людей, сам становишься другим. Теперь даже в самом раздраженном состоянии я не позволяю себе повысить голос. Уже не говорю про то, что, придя в какой-нибудь ресторан, я не злюсь, когда официант подает сначала другим, а потом мне. Он ведь тоже разорваться не может, обслужить всех сразу. Две минуты можно и подождать.

Есть еще одна важная черта в нашей работе, да и в любой другой. Нужно уметь видеть свои недостатки. У меня их целая куча. О всех рассказывать не буду, лучше постараюсь их исправить, но в общем скажу, что в профессиональном смысле я еще далек от совершенства. Например, чтобы работать в ресторане высшего разряда, мне не хватает еще необходимых знаний и умений. А в личном плане мне, например, не хватает настойчивости. Взялся изучать французский язык и бросил. Хватило меня только на месяц.

Свободное время провожу так же, как все. Люблю музыку, книги. Мой любимый писатель Ремарк, я прочитал все его книги. Конечно, восхищаюсь русской литературой, Достоевским, Толстым, Чеховым. Могут спросить, зачем официанту знать Достоевского? Конечно, тарелки можно подавать и без «Братьев Карамазовых», а вот как жить без Толстого и Достоевского, я не представляю. Зачем офици-

анту быть образованным человеком, знать иностранные языки, ходить на концерты классической музыки, читать новинки литературы? По совсем простой причине. Официанту это необходимо, как любому другому человеку. Вот и все. Для самоуважения, если хотите. Потому что жить без этого нельзя, будь ты официант, шофер, слесарь или кинорежиссер.

Вот я все отстаиваю свою профессию, а об одном не говорю. Моя работа — тяжелый физический труд. Весь день на ногах, иногда нет времени присесть, работать приходится до поздней ночи, возвращаешься домой, когда все уже давно спят. Прибавьте к этому еще работу в праздники, в выходные. У всех праздник, все отдыхают, а ты нет. Но, с другой стороны, потому ведь у них и праздник, что ты на месте.

Я люблю мою работу. Если бы не любил, давно ушел бы. Если не любить свою работу, вся жизнь становится мрачной.

А вот чтобы мои дети стали официантами, я не хотел бы. Особенно если дочка. Весь день бегать да еще таскать тяжести. Наша профессиональная болезнь — плоскостопие... В общем, не хотел бы...

Еще обычно журналисты, я знаю, спрашивают о смысле жизни и прочих возвышенных вещах. Мой смысл жизни, как у всех людей без исключения, в достижении счастья. Что это такое — никто не знает. В словаре написано, я специально смотрел, счастье — это высшее удовлетворение, полное довольство. Не знаю, мне такое определение не нравится. Мне кажется, есть два счастья. Одно большое, а другое еще больше. Большое счастье — это когда у человека в жизни какая-нибудь радость, например: любимая девушка сказала, что любит, или ты въехал в новую квартиру, или просто хорошая погода и у тебя прекрасное настроение. И человек счастлив, но это счастье преходяще. На следующий день начинаются будни, и человек опять от чего-нибудь расстраивается. А второе счастье, которое еще больше,— это счастье будней. Мы живем и этого счастья часто не замечаем. Ведь не будешь же каждую минуту говорить себе: посмотри на голубое небо, посмотри на свой дом, на своих родных, посмотри, у тебя работа, которую ты любишь. Это все и есть самое большое счастье, оно называется «жизнь». А еще счастье в желании. Мне очень хочется побывать у вас в Москве на фестивале. Вы, москвичи, счастливые, что этот праздник будет у вас в гостях. Я был бы счастлив приехать к вам, но в делегацию на фестиваль, естественно, будут отбирать самых достойных. Ведь если бы можно было поехать всем желающим, вам бы пришлось принимать в гости всю Чехословакию. А я самый обыкновенный официант.

Прага — Москва

МОСКВА. 1985.

БУДАПЕШТ. Как рассказал секретарь ЦК Венгерского коммунистического союза молодежи (ВКСМ), секретарь Национального подготовительного комитета XII Всемирного Петер Эмед, в республике идет соревнование молодежных организаций за право стать обладателем переходящего Красного знамени ЦК ВКСМ; организация-победитель получает право делегировать одного члена своего коллектива на фестиваль. Кроме того, в Венгрии проходит национальная викторина по трем темам: история фестивального движения, история второй мировой войны и освобождение Венгрии Советской Армией от фашизма и советско-венгерские отношения. В викторине принимают участие команды производственных бригад, школьных классов, студенческих групп. 30 победителей получат путевки в фестивальную Москву. Это только два примера, как проходит в ВНР выбор делегатов на фестиваль.

КИТО. В интервью корреспонденту «Вестника фестиваля» вице-президент бюро Национального подготовительного комитета Эквадора Барон Идрово Солорсано рассказал: «Готовясь к XII Всемирному, мы знакомим молодых эквадорцев с достижениями рабочего класса в мире социализма, с условиями жизни поколения, только начинающего самостоятельный путь. У нас прошли Дни дружбы эквадорской и советской молодежи. Кроме того, есть очень обширная спортивная и культурная программа, цели которой познакомить самые широкие массы молодых людей с идеями и лозунгами фестиваля».

БЕЙРУТ. «В нашей стране, может быть, как ни в какой другой, актуален лозунг предстоящего фестиваля «За мир, дружбу и антиимпериалистическую солидарность!» — сказал в своем выступлении на пресс-конференции генеральный секретарь Союза демократической молодежи Ливана Гассан Насер.— Я приехал в Москву на III заседание МПК из страны, где каждый день рвутся снаряды и бомбы, где каждый день льется кровь. Политика Израиля и США в Ливане направлена на разжигание национальной и религиозной вражды. Поэтому идеи фестиваля для нас жизненно насущны. За годы гражданской войны,— продолжал Гассан Насер,— у нас выросло новое поколение — это дети, которые не видели мирного неба: с израильских самолетов над нашими городами и деревнями разбрасываются игрушки, которые взрываются, когда дети берут их в руки. С детства молодые ливанцы знают, что такое фашизм и война. Мы воспитываем наших детей в духе любви к родине и ненависти к агрессорам. Но мы не хотим воспитывать только солдат. Готовясь к фестивалю, мы проводим по всей стране политические, культурные, спортивные мероприятия, устраиваем детские лагеря, где ребята могут беззаботно жить, играть, чувствовать себя просто детьми. Для них весной этого года мы хотим устроить «Фестиваль радости».

АККРА. Секретарь по вопросам культуры и туризма республики Ганы Мохаммед Бен Абдалла заявил, что здесь объявлена программа участия ганской делегации в XII Всемирном. Посланцы страны продемонстрируют в Москве решимость своего народа отстаивать дело мира, его приверженность идеалам антиимпериалистической борьбы.

МАНАГУА. В интервью корреспонденту «Ровесника» руководитель комиссии международных связей Сандинистской молодежи «19 июля», член Национального подготовительного комитета Никарагуа Сильвио Бальесильо рассказал: «По всей стране под девизом «Салют, фестиваль!» проходят десятки политических, трудовых и культурных мероприятий, знакомящих молодых никарагуанцев с жизнью их сверстников в Советском Союзе, с традициями фестивального движения. В Москву поедут самые достойные представители нашей молодежи. Молодые никарагуанцы понимают, что право поехать в Москву надо заслужить. Наша борьба за мир, за нашу революцию — это для нас и есть борьба за идеи фестиваля».

Бодрый улыбающийся парень, бодрые улыбающиеся родители и бодрый призыв: «Присоединяйтесь к тем, кто вступил в армию!» — такую рекламу Пентагона можно встретить во многих журналах США. Снимок, подобный помещенному чуть ниже, встречается на глянцевых страницах американских журналов несравненно реже, хотя на нем запечатлена сцена, характерная для сегодняшней Америки: пожилой человек в очереди за бесплатной похлебкой.

Какая связь между этими, столь далекими друг от друга сюжетами! Нам показалось, что публикуемые в этом номере рассказ американского писателя Ирвина Шоу «Судьбы наших детей» и несколько интервью американского публициста Стадса Теркела с ветеранами второй мировой войны «Эта «славная» война» отвечают на этот вопрос. И ответ этот раскрывает нечто такое, в чем ни за что и никогда не признаются буржуазные пропагандисты и идеологи: война для общества, которое они всячески приукрашивают, превозносят и защищают, имеет только один постыдный и бесчеловечный смысл — прибыль.

Известно, какие баснословные барыши «заработали» американские монополии во время второй мировой войны. Известно, как цинично американские производители стратегического сырья и товаров (см. «Ровесник» № 3 за 1984 год) наживались на преступной торговле с врагом в то время, как истекали кровью порабощенные гитлеровцами народы Европы, жертвовал всем и вся во имя победы советский народ, сражались и гибли те американские парни, которые, как свидетельствует С. Теркел, вернувшись на родину, оказались на положении изгоев.

Но обратите внимание: аморальная жажда наживы, определяющая общественное сознание в условиях капитализма, разделяется далеко не всеми американцами, так же как и расовая ненависть отравила далеко не всех граждан США, подтверждение чему не только позиция авторов публикуемого рассказа и интервью, но и многих других прогрессивно мыслящих, порядочных, честных и, наконец, прозревающих американцев, таких, как герой рассказа Ирвина Шоу — Нелсон Уивер, осознавший вдруг, что, служа всю жизнь верой и правдой военному концерну «Маршал и К°», он помогал всем этим головорезам в империалистической Японии, гитлеровской Германии, фашистской Италии, франкистской Испании... «Я виноват перед сыном! — в ужасе восклицает он...— Нет мне прощения!»

И в том, что, несмотря ни на что, такие американцы есть, что их становится все больше,— свидетельство бессилия капитализма окончательно и бесповоротно поработить сознание людей.

РАССКАЗ

Судьбы наших

Нелсон Уивер сидел за столом и писал: «Заработная плата... Бриджпортский завод... 1 435 639,77 доллара». Затем он положил твердый, остро отточенный карандаш рядом с девятью другими твердыми, остро отточенными карандашами, которые лежали в строгом порядке возле серебряной рамки с фотографией его покойной жены.

Он взглянул на часы в кожаном футляре. Десять часов тридцать пять минут. До прихода Роберта оставалось десять минут.

Нелсон Уивер снова взял карандаш и посмотрел на длинные листки бумаги, плотно заполненные цифрами. «Амортизационные отчисления... 3 100 456,25 доллара»,— написал он.

Налоговая декларация компании «Маршалл и К°. Затворы и турбины» была почти готова. Он просидел тридцать пять дней, работая тщательно, не спеша, точно Сезанн, который клал за день на холст всего шесть мазков. Он нумеровал лист за листом, пока наконец изощренная гигантская бухгалтерия компании «Маршалл и К°», протянувшей нити от банка к банку, от страны к стране, пока вся эта внушительная хроника предложенных и полученных кредитов, больших и малых доходов и капиталовложений не была разложена по полочкам и представлена в удобном для восприятия виде на пяти листках небольшого формата.

Нелсон бросил взгляд на часы. Десять часов сорок минут. Поезд отходит в одиннадцать пятнадцать. Времени у Роберта оставалось в обрез.

Нелсон посмотрел на сумму, которую написал — 3 100 456,25 доллара. Он в тысячный раз восхитился изысканной, с наклоном, каллиграфической двойкой, которую научился вырисовывать еще в начале своей карьеры. Почему-то именно эта двойка была для него символом профессии, свидетельством его способностей, эмблемой удивительного мира чисел, с которыми он обращался легко и умело, превращая людской пот и грохот механизмов, жару и дым, удачу и крах в ясные, четкие и непреложные таблицы.

Составление налоговой декларации было изощренной игрой со строгими правилами, где игроки с самым серьезным видом жонглировали отвлеченными понятиями, точно Спиноза, доказывавший, что бог не существует, и получали при этом весьма реальные, осязаемые результаты, подобно тому гению, который доказал, что в 1932 году «Дж. П. Морган» [1] не имел доходов, подлежавших обложению налогами. Однажды, в 1936 году, Нелсон в редком для него порыве своенравия составил две налоговые декларации. Одну из них «Маршалл и К°» представила государству. Вторая несколькими пунктами отличалась от первой и отдавала бóльшую дань реальности. Разница между ними составляла 700 692,12 доллара. С неделю Маршалл носил вторую декларацию в портфеле, получая от этого тайное удовлетворение, а затем на всякий случай сжег ее.

В этом году компания процветала, разрастаясь на дрожжах военных заказов, а налоговые обложения подскочили, так что разница между истинной суммой и цифрой, указанной в официальной декларации, получится огромной, больше миллиона долларов. «Маршалл и К°» платила ему 40 тысяч долларов в год. «И этих денег я стою»,— подумал Нелсон.

Десять часов сорок семь минут. Роберта все еще нет. Цифры начали прыгать перед глазами. Такое стало случаться с ним все чаще и чаще. Удивляться тут было нечему — ведь он провел всю жизнь за письменным столом. Нелсона уже не шокировало, что его, пятидесятилетнего, называют порой пожилым...

Дверь распахнулась, и вошел Роберт в новенькой лейтенантской форме, с чемоданом из сыромятной кожи, подаренным ему отцом.

— Пора в путь-дорогу, папа,— сказал Роберт.— Армия Соединенных Штатов ждет меня.

Они обменялись улыбками, Нелсон снял с вешалки элегантную серую фетровую шляпу, аккуратно надел ее перед зеркалом.

— Я боялся, что ты так и не решишься,— сказал он, слегка поправляя поля шляпы.

Роберт стоял у окна, всматриваясь в панораму Нью-Йорка, сверкавшего в утренних лучах летнего солнца, с его Гудзоном, уходившим гладкой голубой лентой в скалистый пейзаж Нью-Джерси, с его зданиями, которые громоздились друг на друге, точно застывшие цукаты на поверхности торта.

— Боже мой, боже мой...— пробормотал Роберт.— Как здесь, должно

---

[1] *«Дж. П. Морган и К°» — один из крупнейших в США банков, оборот которого за год исчисляется в десятках миллиардов долларов.— Примеч. ред.*

детей

ИРВИН ШОУ,
американский
писатель

быть, здорово работается! Прямо хоть садись и пиши Девятую симфонию [1].

Нелсон улыбнулся, взял сына за руку.

— Мне здесь не до Девятой симфонии.

[1] *Имеется в виду Девятая симфония Бетховена, величайшее произведение композитора.— Примеч. ред.*

Ему захотелось поднести чемодан Роберта до лифта, и он собрался взять его, но Роберт молча перебросил чемодан в другую руку.

В лифте они ехали с хорошенькой темноволосой женщиной в нарядном черном платье, которое сидело на ней, как на манекенщице, хотя не каждой манекенщице удается выглядеть столь эффектно. Она, видно, только что сделала прическу. Смелая элегантность сочеталась в ней со зрелой красотой. Нелсон заметил, с каким сдержанным одобрением она смотрела на его высокого сына — стройного, плечистого, сознающего, как он хорош в своем новом темно-зеленом лейтенантском кителе с горделивой золотой полоской на каждом плече.

Роберт заметил сдержанный одобрительный взгляд; ему было приятно, что на него так смотрят, и одновременно он стыдился этого своего самодовольства.

— Когда-нибудь,— сказал Роберт, когда они вышли из лифта и, потеряв женщину из виду, пошли вдоль 5-й авеню,— когда-нибудь, папа, человека будут судить за одни только мысли, которые проносятся в его голове.

Они улыбнулись друг другу; Роберт глубоко вздохнул, посмотрел по сторонам, улыбка все еще блуждала у него на губах, затем они сели в такси, и он сказал: «Пожалуйста, на Центральный вокзал».

Они молча сидели в машине, петлявшей по улицам города. Нелсон смотрел на роскошный чемодан из сыромятной кожи. Такие чемоданы, думал он, можно увидеть летом, в пятницу, на вокзале, где беззаботные люди в летних костюмах ждут поезда, который увезет их на курорты Новой Англии, в Адирондакс, на Кейп-Код... Он чувствовал, что для полноты картины недостает только теннисной ракетки в ярком кожаном чехле и голоса девушки, нежного и радостного. Но вместо этого он услышал голос Роберта:

— Пять средних танков...

— Что, что! — Нелсон виновато посмотрел на сына.— Прости, я задумался.

— Когда я приеду туда, мне дадут под команду пять средних танков. По двенадцать тонн в каждом, экипаж из четырех человек. Триста тысяч долларов затратило

государство на эти танки. И я должен буду командовать ими: двигайтесь вперед, остановитесь, повернитесь, будьте добры, уничтожьте эту забегаловку слева, не откажите в любезности засадить шесть снарядов в ту лавку с женским бельем в пяти кварталах отсюда по этой улице.

Он широко улыбнулся:

— Это я-то, который никогда в детстве не управлял даже электрической железной дорогой. Представляешь, какое доверие оказало мне правительство Соединенных Штатов! Как бы мне не струхнуть, когда придется столкнуться с этими пятью средними танками лицом к лицу.

— Ты справишься,— убежденно сказал Нелсон.

Роберт посмотрел на него серьезно, без улыбки.

— Знаешь, и мне так кажется.

Такси подкатило к Центральному вокзалу, и они вышли.

— У меня есть пятнадцать минут,— сказал Роберт, посмотрев на часы.— Не выпить ли нам чего-нибудь!

— Тебя кто-нибудь провожает! — спросил Нелсон, идя с сыном по тускло освещенному гулкому подземному переходу к бару отеля «Коммодор». — Какая-нибудь девушка!

— Нет, — ответил Роберт.— Решил никого не приглашать. Уж если приглашать, то всех. Такие пышные проводы мне ни к чему.— Он засмеялся.

Нелсон тоже улыбнулся шутке, он понял, что Роберт оставил последние минуты перед отъездом на фронт для прощания с отцом. Ему хотелось сказать Роберту, что он тронут этим, но слова, которые приходили на ум, были грустными и неуклюжими, поэтому он решил ничего не говорить. Они вошли в отель и встали у длинной стойки прохладного темного бара.

— Два мартини,— попросил бармена Роберт.

— Последний раз я пил утром, — сказал Нелсон, — на свадьбе Артура Паркера, в 1936 году.

— Сегодня можно,— сказал Роберт.— Война все ж таки.

В миксере приятно позвякивали кусочки льда, разносился слабый запах джина и тонкий аромат лимонного сока, который осторожными движениями выдавливал в полные холодные бокалы бармен.

Они подняли бокалы, и Нелсон увидел дорогое ему лицо сына — молодое, серьезное — и сверху фуражку с блестящей золоченой кокардой армии Соединенных Штатов. Нелсон перевел взгляд в затемненную глубь длинного зала с низким потолком, такого чистого, прибранного, с ровными рядами пустых столов, каким может быть только бар или ресторан, ожидающий посетителей. Кто знает, свидетелем скольких проводов, расставаний, последних поцелуев стал этот ближайший к вокзалу бар, сколько здесь было выпито показавшихся безвкусными напитков, сколько людей пыталось заглушить здесь спиртным первую боль разлуки, сколько канувших в Лету призраков сидело за этими ровными рядами столов! Слова прощания тонули в беспечном звоне бокалов.

Нелсон снова посмотрел на сына, который в мыслях был уже на войне. Он приподнял бокал, прикоснулся им к бокалу сына.

— За скорую победу,— сказал он.

Они выпили. Крепкий, с богатым букетом напиток мгновенно обжег Нелсону нёбо. Роберт, задерживая мартини во рту, наслаждался каждым глотком.

— Ты не представляешь,— сказал он,— как трудно достать хороший мартини в танковом корпусе.

Нелсон смотрел, как пьет сын, и вспоминал день, проведенный за городом три года назад, когда Роберту было двадцать. Тем летом они снимали домик в Вермонте. Днем Роберт пошел купаться и вернулся с мокрыми волосами, загорелый, босой, в белом купальном халате, с выцветшим голубым полотенцем на плече, с выступившими от летнего солнца веснушками на носу, коричневыми от солнца кистями рук. Он распахнул дверь с сеткой от насекомых, громко распевая: «И небо надо мной не голубое с тех пор, как милую не вижу я». Оставляя на зеленом ковре следы озерной воды, стекавшей по его ногам, он прошел прямо на кухню. Нелсон увидел Роберта сидящим у столика с открытой запотевшей бутылкой пива в одной руке, в другой он держал нелепый гигантский бутерброд — два огромных куска ржаного хлеба, четверть фунта швейцарского сыра, два здоровенных ломтя ветчины и три сочных громадных куска говядины в томатном соусе. Роберт сидел на хрупкой кухонной табуретке, лучи полуденного солнца косо падали на него сквозь высокое старинное окно, с него все еще капала озерная вода, в руках — гигантский бутерброд и бутылка пива, рот забит, а из горла как-то умудрялись вырываться нечленораздельные звуки. Он беззаботно помахал бутербродом Нелсону, когда тот появился в двери.

— Умираю от голода,— выговорил он.— Проплыл четыре мили. Надо восстановить энергию.

— Через час будет обед,— сказал Нелсон.

Роберт усмехнулся, продолжая есть.

— Я и обед съем. Можешь не сомневаться.

Нелсон смотрел, как ест сын, и улыбался.

— Хочешь, сделаю тебе бутерброд! — спросил Роберт.

— Нет, спасибо.— Нелсон покачал головой.— Потерплю до обеда.

Он не мог оторвать глаз от сына. Загар подчеркивал белизну зубов, которые откусывали хлеб энергично и ровно, развитые мышцы шеи, выступавшие из-под белого купального халата, двигались легко и свободно, когда Роберт проглатывал очередную порцию.

— В твоем возрасте,— сказал Нелсон,— у меня тоже был волчий аппетит.

И вдруг сын посмотрел на Нелсона совсем по-новому, как бы увидел его двадцатилетним; Роберта охватила нежность к отцу, и он подумал о более поздних годах его жизни с гордостью и сочувствием...

— Что ж,— Роберт проглотил маслину, лежавшую на дне бокала, и поставил его с легким приглушенным звоном, который разнесся в тишине бара.— Что ж, пора...

Нелсон посмотрел вокруг, тряхнул головой, и домик в Вермонте, загорелый парень, запотевшая бутылка пива — все исчезло. Он допил, расплатился, и вместе с Робертом они заспешили к платформе, где стоял поезд. Там царили суматоха и смятение; мать какого-то солдата и две его родственницы монотонно причитали, и Роберт почему-то поздоровался с этим солдатом; последняя волна взметнувшихся рук пронеслась по вокзалу, и больше не было слов, потому что каждый чувствовал, что еще одно слово, и слез уже не сдержать. Роберт спустился по длинной лестнице на темневший внизу перрон. Чемодан из сыромятной кожи мелькнул в толпе...

Нелсон повернулся и медленно пошел на улицу. Перед глазами все еще стояла голова сына в фуражке, исчезнувшая в длинном проходе, который вел к поезду, средним танкам, пушкам, страданиям, голова сына, уходившего на войну без колебаний, легко и радостно. С трудом перешагивая через мраморные ступеньки, он вспомнил, как Роберт играл в теннис прошлым летом. Роберт действовал легко и умело, его рослая фигура летала по корту, он напоминал крепких калифорнийских парней, которые со скучающим видом профессионалов играют 365 дней в году. У Роберта была привычка в раздражении обращаться к самому себе, и стоило ему сделать ошибку, как он вскидывал голову и бормотал себе под нос: «Мазила! Мазила! Что ты здесь делаешь! Шел бы ты домой!» Он видел отца, который с улыбкой наблюдал за ним, и знал, что отец понимает его ворчливую тираду, адресованную самому себе. Он усмехался, делал замах и подавал подряд три мяча, принять которые было просто невозможно...

Нелсон шел по Мэдисон-авеню к конторе «Маршалл и К°», к бумагам со строгими и коварными цифрами, ждавшими его на столе, к аккуратной профессиональной бухгалтерской двойке, которой он так гордился.

По дороге он задумался, в какой части света столкнется с врагом его сын! В Африке! В Австралии! В Индии! В Англии! В России! В какие пустыни, равнины, горы, джунгли, на какие морские побережья попадет двадцатитрехлетний парень, еще вчера пловец и теннисист, способный вынести тяготы любого климата, любитель гигантских бутербродов и холодного пива; где окажется он в то самое время, когда его отец будет направляться каждое утро в свою контору, постоянно

на стр. 19 ▶

Демпси ТРЕЙВИС, писатель, работает маклером по продаже недвижимости, живет в Чикаго.

Было это в лагере Шененго, в Пенсильвании. Везли нас по железной дороге; одни вагоны были для чернокожих солдат, другие — для белых. Когда мы приехали на станцию назначения, нас переправили прямиком в гетто. Там не было даже лавчонки для чернокожих солдат. Был гарнизонный магазин для белых, куда нас не пускали. Для нас отгородили закуток в одном из бараков, где стали торговать леденцами и кока-колой.

В том лагере было пять кинотеатров, для чернокожих солдат — ни одного. После того как мы там пробыли пару недель, начальство решило соорудить для нас временное кино прямо в гетто. Туда вмещалось что-то около двухсот человек, так что приходилось устраивать несколько сеансов. Мы с моим приятелем, звали его Канзас, решили как-то вечером пойти в кино.

Вышли после кино и видим толпу солдат. Оказывается, кому-то из наших выбили глаз за то, что он зашел в гарнизонный магазин для белых.

Через несколько минут появилась колонна из шести грузовиков с белыми солдатами в полевой форме — в такой воюют в джунглях. Они подъехали и окружили всю зону для черных. Отрезали нам все пути. Они потушили огни и начали стрельбу. Стреляли, стреляли, стреляли — прямо в нашу толпу. Мы все начали орать как сумасшедшие. Я пробежал, наверное, метра два и упал. Канзас тоже, рядом со мной. Я схватился рукой за ногу и почувствовал, как что-то теплое побежало по штанине.

Я, помню, закричал: «Ну, сволочи, сукины дети!» А потом стал ругаться на чем свет стоит. А они все стреляли, и люди продолжали кричать.

Эта «славная» война

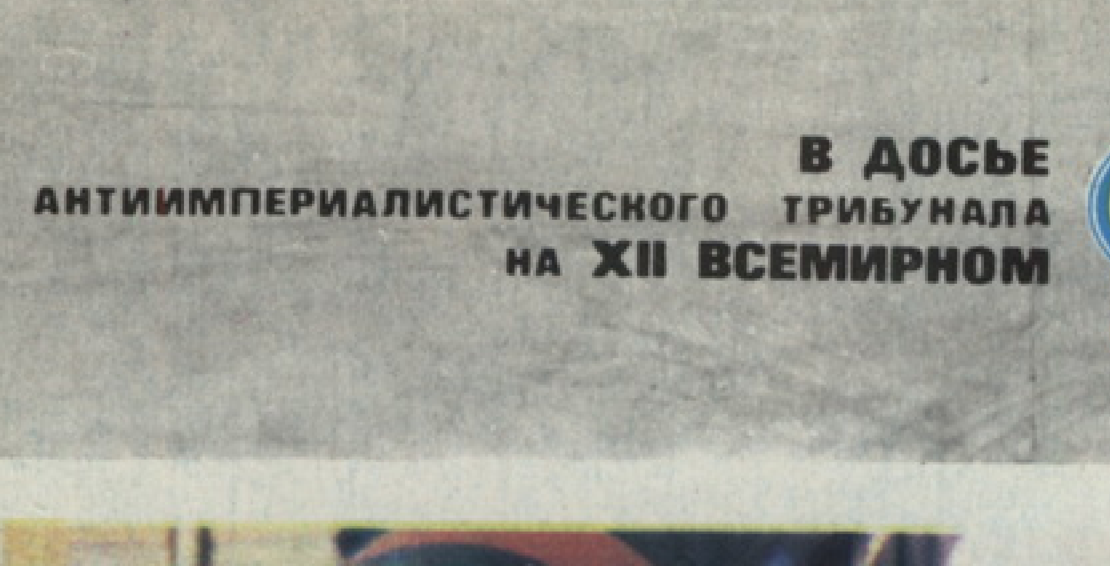
Стадс ТЕРКЕЛ, американский публицист

УСТНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Потом стрельба прекратилась. Потом подъехали ребята из Красного Креста. Они ходили в толпе и светили фонариками. «Этот убит...»

на стр. 18 ▶

Интервью с ветеранами второй мировой войны.

В ДОСЬЕ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРИБУНАЛА НА XII ВСЕМИРНОМ

СМОТРИТЕ: «Першинги», крылатые ракеты, ядерные боеголовки переправляются в Европу по морю и воздуху (снимок справа в центре) из США. Народы континента гневно протестуют против этих незваных заокеанских гостей. Все больше европейцев соединяют свои усилия, как соединили руки эти люди из многих государств Европы (снимок в центре), потребовав убрать американское ядерное оружие из Мутлангена (снимок слева вверху), Комизо (снимок справа внизу), Гринэм-Коммона (снимок справа вверху). «Незваные гости» из США — очевидное нарушение прав человека на жизнь и на личную неприкосновенность»,— заявляют граждане ФРГ, Италии, Англии и выходят на демонстрации протеста, в пикеты, образуют «мосты» солидарности.

U.S AIR FORCE

со стр. 15 ▼

«Этот ранен...» Не знаю, сколько там было убитых и раненых.

Когда они подошли ко мне, кто-то сказал: «Этот будет жить». У меня было три ранения. Потом они осмотрели моего приятеля. Его осветили фонариком, и человек с красным крестом на халате сказал: «Этот перемучается. Ниггеры не подыхают, даже если им прострелят башку».

Они втащили нас обоих в «санитарку». Впереди сидели два парня. Один говорит шоферу: «Почему мы так обошлись со своими же солдатами?» А шофер отвечает: «Кто это тебе сказал, что ниггеры свои? Там, откуда я родом (а я сразу признал его южный акцент), мы стреляем ниггеров, как кроликов». Я этот разговор навсегда запомнил. Этот разговор двух белых о двух раненых, в которых стреляли не враги, а американцы.

Наконец мы приехали в армейский госпиталь, меня положили в коридоре, а Канзас был мертв.

Врачи мне сказали: «Ты, кажется, парализован». Ну, я, конечно, ужасно испугался. А около меня лежал парень, который не переставая орал и плакал... В газетах об этом так ничего и не написали.

Как это ужасно — в двадцать один год потерять свою юность: ведь я уж и не надеялся, что буду ходить. Моим родителям сказали, что меня переправят в центральный госпиталь в Батлер штата Пенсильвания. Он находился милях в пятидесяти-шестидесяти от Шененго. Вот уж не забуду все эти холмы да пригорки Пенсильвании. Мне казалось, что эта чертова «санитарка» вообще была без рессор: на каждом бугре колымагу трясло черт знает как. Ну, привезли меня в госпиталь и поместили в отдельном отсеке. В общем, черного, как и всюду, изолировали. Даже повесили занавесочку перед моей койкой.

Красный Крест посылал раненым всякие сладости. Когда их женщина подошла к моей двери, я услышал, как ей кто-то сказал: «Э, не ходите туда. Там черномазый!» (смеется).

Пришел врач. Осматривает меня и говорит: «Надеюсь, мы сможем решить твою проблему. Нужно сделать несколько операций. Ты будешь ходить, но только не так, как раньше». То есть, возможно, останется сильная хромота. Вот тут-то и начали происходить совершенно удивительные вещи. Мэри, женщина из Красного Креста, которой посоветовали не входить ко мне, невысокая белая женщина, вошла и спрашивает: «Что бы вы хотели? Конфеты, журнал, книгу?» Я отвечаю: «И то, и другое, и третье» (смеется). Мы подружились. Она сказала: «Я заметила, что вас никто не навещает. Как только врач разрешит, я повезу вас на прогулку».

Температура у меня все держалась и держалась. Но когда жар немного спал, мне сделали рентген и стали совещаться, как удалить засевшие в ноге пули, чтобы не особенно меня кромсать. Когда они наконец решили меня оперировать, два их врача никак не могли договориться друг с другом о том, как меня резать. Они спорили у моей койки, забыв обо мне, словно меня и не было.

В конце концов один из них плюнул и ушел, а другой взялся за меня. Каким-то чудом операция прошла успешно. Я немного подтаскивал левую ногу, но зато я чувствовал, как ко мне возвращаются силы.

Меня отправили в Кэмп-Ли, штат Виргиния. О, я тогда много повидал. В Вашингтоне мы делали пересадку на другой эшелон. Я подумал, ну, раз это столица государства, я могу выйти и купить где-нибудь кока-колы. Ха! Продавщица мне говорит: «Вот что, парень, тут тебе не будет никакой кока-колы. Проваливай!» Я говорю: «Боже мой, и это — Вашингтон!» (смеется). Она посмотрела на меня как на чокнутого. А я, наверное, и был чокнутый.

Когда наш эшелон двинулся, мы выглядывали из окон вагона и глазели на купол Капитолия. «Черт возьми,— воскликнул я.— Что же означает это здание?» Во всяком случае, совсем не то, о чем я учил в школе и читал в книгах.

В Ричмонде — Кэмп-Ли там недалеко — мы видели, как пленные гитлеровцы разъезжают в трамваях и сидят на передних сиденьях, а негры — сзади. Там же я впервые в жизни увидел автоматы с газированной водой отдельно для белых и отдельно для черных. В кинотеатре Кэмп-Ли я видел, как чернокожие солдаты и офицеры сидели в последнем ряду, отгороженные от зала веревкой. Впереди сидели белые. Я подумал про себя: «Да можно ли сохранить в себе хоть крупицу человеческого достоинства, сидя за этой веревкой? Они же тебе говорят: «Парень, ты — пустое место! Мы тебя веревкой отгородили!»

Хотя в лагере было полно пустовавших казарм, они предназначались для белых, а нас поселили в палатках. И мы должны были торчать в этих проклятых палатках под палящим солнцем и дожидаться, пока освободится место в казармах для черных. И так продолжалось месяцев шесть или восемь.

Меня направили в административное училище. Из этого заведения выпускали старших сержантов. Я там пробыл всего три дня, и меня вытурили. «У нас есть приказ перевести тебя в Абердинский учебный лагерь». Я так и не понял почему.

В Абердине три недели я слонялся без дела. Вдруг меня вызвал офицер: «Трейвис, я вижу, у тебя отличная характеристика. Чем бы ты хотел заняться?» Чем бы я хотел! «Я,— говорю,— музыкант». А он говорит: «Ну, оркестра у нас тут нет».

На другой день вызывает меня майор Слоун и говорит: «Печатать на машинке умеешь?» Я говорю: «Нет, сэр».— «Ты когда-нибудь работал в конторе?» — «Нет, сэр». Тогда он лезет в письменный стол и вытаскивает оттуда учебник машинописи. Потом вызывает капрала и говорит ему: «Посадишь рядового Трейвиса за стол рядом с собой. Он будет учиться печатать». Майора Слоуна я никогда не забуду. Он сразу понял, что у меня, как у музыканта, были шустрые пальцы и что я сумею с легкостью выучиться печатать на машинке...

— А как ваша хромота? Я не заметил, что вы хромаете...

— Нога моя окрепла, понемножку все прошло. У меня до сих пор пуля сидит в бедре. Никакой компенсации я не получил. Конечно, никакой.

Я был в армии с 9 сентября 1942-го по 2 февраля 1946 года. Когда подошел срок моей демобилизации, майор Слоун мне говорит: «Почему бы тебе не остаться? Я бы послал тебя в подготовительное училище для офицеров». Но я был сыт по горло. И я ему ответил: «Отпустите меня поскорее, чтобы я смог по крайней мере поступить в колледж».

Я сдавал вступительные экзамены в Рузвельтовский колледж, в Де Пол и в Северо-западный... Я получил от них три письма, в которых говорилось примерно следующее: «Послушай, ты, сукин сын, не суйся в колледж, у тебя для этого нет способностей. Попробуй себя там, где надо шевелить руками да подставлять спину». В этих письмах мне ни разу не посоветовали пошевелить мозгами. Я, конечно, страшно расстроился.

Некоторое время спустя меня встретил на улице старый учитель и сказал: «Почему бы тебе не поступить в вечернюю школу? Туда не надо сдавать вступительных экзаменов». Я записался в классы по счетному делу, по социологии, по американской литературе. В конце концов я научился по-настоящему читать и писать. Человек, научившийся нормально читать в детстве, как это и положено, не сможет понять меня. Научиться читать взрослым человеком двадцати семи лет! Как будто кто-то сорвал повязку с моих глаз!

Те четыре года в армии стали переломным моментом в моей жизни. Я узнал кое-что о людях. Я узнал кое-что о расизме. Об истинных человеческих ценностях. О себе самом. Думаю, что я не приобрел бы такого опыта в другом месте и в другое время. Но я никому не пожелал бы пережить то, что довелось испытать мне.

Бетти БЕЙСИ, шестидесяти лет, живет в Сан-Франциско.

В сорок первом году я училась в выпускном классе. В ту зиму начали погибать мои одноклассники. Я танцевала на большом балу, когда вдруг впервые осознала, что случилось,— шла война.

Я решила стать медсестрой. Таким образом я быстрее всего могла начать помогать всем, кто воевал. Я действительно хотела быть както причастной к войне. Я пошла учиться на курсы, потом работала в ортопедическом отделении госпиталя в Санта-Барбаре. Затем попала в центральный госпиталь. Вскоре я уже могла думать о себе

со стр. 14 ▼

как об опытной медсестре — специалистке по восстановительной хирургии.

Слепые молодые люди. Безногие. С изуродованными лицами, обожженные... Это был центр по лечению обожженных и ослепших. Полтора года я проработала в перевязочной. Целыми днями я меняла пациентам повязки. Сначала я перебинтовывала тех, кто мог самостоятельно передвигаться, кто пользовался креслом на колесиках или костылями. Потом брала маленькую тележку, нагруженную влажными бинтами, и ходила по палатам, перевязывая больных, которые не могли подняться с постели.

Наши пациенты испытывали страшную боль. Мы должны были увлажнять кожу с помощью сырых бинтов. Мы обматывали вокруг этих несчастных многие метры бинтов. Вот что такое на самом деле война.

Когда наступил день победы, я была в госпитале. О, это было здорово! Всеобщий радостный хаос, абсолютный бедлам.

Госпиталь закрылся, пациентов отправили в другие больницы. Наши больные еще очень долго должны были оставаться в отделении восстановительной хирургии. Мы перебрались в Пасадену. Это было уже в сорок шестом году. Отделение пластической хирургии заняло целый отель, один из крупнейших и красивейших в городе. Все «мои» пациенты оставались здесь, заканчивая курс лечения. Особенно хорошо я помню Билла. У этого человека не было половины лица. Я водила его на прогулки по Пасадене — никогда мне не забыть этого.

В самых зеленых районах города жила элита, «цвет общества» Пасадены. Хорошо одетые женщины откровенно таращились на нас, просто останавливались и в изумлении смотрели на человека, у которого не было половины лица. Билл чувствовал этот ужасный пристальный взгляд. Чувствовал, как люди смотрят на него в упор и удивляются: боже, что это!! Мне хотелось обругать их всех, но я уводила Билла прочь. Казалось, жители Пасадены вообще не подозревали, что была война, пока мы не появились в городе.

О, наши тяжело раненные пациенты просто шокировали местное население! В газеты Пасадены начали приходить письма: почему нельзя запереть их и не выпускать на улицы города! Ярость, всеобщее негодование — война уже кончилась, а они до сих пор мозолят нам глаза!

Пациенты сами показывали мне подобные письма и говорили, что, может быть, им и впрямь лучше не выходить на улицы. Ведь их вид портит настроение жителям Пасадены. Они пытались шутить...

Так я постепенно возвращалась в мирное время — через глаза той женщины, что пялилась на моего бедного Билла. Нашим людям нравится лишь романтический ореол войны. Они не знают, что такое настоящая война. Что ж, прежние войны навсегда ушли в прошлое. Теперь у нас есть ядерная бомба, и мы уничтожим самих себя и всех остальных.

СЛЕДЖЕММЕР, профессор биологии.

После войны мы стали безжалостными, потому что жизнь тоже не щадила нас. Это была какая-то дикая, варварская беспощадность. На Филиппинах я впервые увидел вблизи лицо одного из наших врагов. Этот японский солдат был мертв. Один из моих однополчан начал раздевать его, чтобы взять коечто на сувениры. Это привело меня в ужас. Потом наши парни тащили его, как тушу зверя. Ведь убитый враг все-таки был человеком. Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы преодолеть эти чувства. Скоро внешний слой цивилизованности истончился до предела.

Я видел, как наши ребята пристреливали раненых солдат противника без всякой необходимости, только чтобы снять с них золотые зубы. У большинства из моих приятелей были мешочки с этими золотыми зубами. Помню, что однажды, увидев у одного из моих однополчан целую горсть золотых зубов в носке, я подумал, что тоже займусь этим. Как могли американские парни дойти до такого! Если ситуация доводит тебя до дикой жестокости, то все становится дозволенным, так считали и мы и наши офицеры. Опасное убеждение, которое делает человека дикарем. В сущности, мы и были дикарями.

Когда я научился «удалять зубы», как называли это наши солдаты, один из армейских санитаров, Касвел, благослови господь его душу, сказал: «Следжеммер, что ты делаешь!» Я ответил: «Док, я хочу добыть несколько золотых зубов». Он возразил очень мягко: «Ты не хочешь этого».— «Но все другие так делают».— «Что бы сказали об этом твои родители!» — «Мой отец врач, может быть, ему это было бы интересно». Тогда он сказал: «Но ты можешь заразиться». И я ответил: «Я как-то не подумал об этом, док». Сейчас я понимаю, что Кен Касвел беспокоился не о моем здоровье. Он просто не хотел, чтобы я сделал еще один шаг к отказу от всех понятий о достойном человека поведении.

Однажды мы прорвали оборону японцев на Окинаве и вошли в какую-то деревеньку. Я заглянул в маленькую хижину под соломенной крышей. Возле двери сидела старуха. Она протянула ко мне руки — на них была татуировка, обозначавшая, что она жительница Окинавы. «Здесь нет японцев»,— сказала она. Потом распахнула кимоно и показала страшную рану. Видно было, что у нее уже началась гангрена. Вряд ли у нее были шансы выжить, и она явно испытывала ужасную боль. Может быть, ее ранило во время артобстрела или воздушного налета.

Я позвал санитара: «Здесь старая туземка, она тяжело ранена. Док, может, вы сделаете что-нибудь!» Он наложил повязку и позвал солдат, чтобы унести старую женщину. Мы еще не успели выйти из хижины, как сзади послышался выстрел. Санитар и я припали к земле. Мы точно знали, что стреляли из американской винтовки. Мы оглянулись, решив, что в хижине сидел японский снайпер, а старуха просто прикрывала его.

Из лачуги вышел один из наших парней, на ходу проверяя предохранитель своей винтовки. Я спросил: «В хижине был солдат!» — «Нет,— ответил он.— Это была просто старая туземка. Думаю, она хотела присоединиться к предкам. Вот я и уважил ее желание». Я так и не узнал, были ли у этого случая какие-нибудь последствия или нет...

Сокращенный перевод с английского
О. АЛЯКРИНСКОГО и
С. СУХОЙ

ощущая за плечами груз прожитых пятидесяти лет!

Нелсон шел по Мэдисон-авеню, мимо витрин шикарных магазинов. Две женщины обогнали его, и он услышал высокий женский голос: «Ты только представь себе, платье из тафты, нежно-голубое, спереди сборки, а на спине вырез до талии. Ну просто умереть можно!»

Мне и в голову не приходило, что это возможно, думал Нелсон; ничего не видя перед собой, он медленно удалялся от вокзала, с которого только что уехал на войну его сын. Была когда-то первая мировая, и она давно кончилась... Как я мог так считать! У меня рос сын, но я не сознавал своей ответственности перед ним. Я работал, одевал его, кормил, послал в приличный колледж, покупал ему книги и давал деньги на развлечения, возил на каникулы в Вермонт, но я не понимал, в чем состоит моя ответственность перед ним. Я трудился изо всех сил, мне было нелегко, я долго бедствовал, а только бедные знают, как трудно выбиться из нужды. Я вкалывал, хотя должен был делать совсем другое. Я складывал миллионы цифр, рассчитывал махинации многих компаний, и так из года в год, иногда по восемнадцать часов в сутки, порой даже на еду времени не оставалось... Чем я занимался! Я виноват перед сыном... Я не должен был допустить этого. Мне почти столько же лет, сколько Гитлеру. Он сделал все, чтобы убить моего сына. Я же не сделал ничего, чтобы спасти его. Нет мне прощенья! Почему я не умер от стыда, стоя в одной комнате с сыном, одетым в темно-зеленый лейтенантский китель! Деньги... Я думал, как расплатиться с бакалейщиком, агентом страховой компании, за электричество... Какая ерунда... Я растратил жизнь на пустяки. Мой сын ушел на войну, а я, старый одинокий человек, только и делал, что платил арендную плату да подоходный налог. Я забавлялся детскими играми. Я дурманил себя опиумом. Как миллионы мне подобных. Война уже шла двадцать лет, а я не догадывался об этом. Я ждал, пока вырастет мой сын и отправится на эту войну вместо меня. Мне следовало кричать на улицах и площадях, хватать людей за лацканы пиджаков в поездах, библиоте- ▶

ках и ресторанах и взывать к ним: «Пожалейте, поймите друг друга, уничтожьте свои пушки, забудьте о доходах, вспомните о добре...» Я должен был пройти через всю Германию, Францию, Англию и Америку. Я должен был проповедовать на пыльных дорогах, а когда это необходимо, взяться за оружие. Я же провел всю жизнь в одном городе и исправно платил бакалейщику. Маньчжурия, Эфиопия, Варшава, Мадрид [1] — вот они, поля сражений, а я-то считал, что была лишь первая мировая и та давно кончилась.

Он остановился и поднял голову. На лице его проступил пот, соль резала глаза, и, протерев их рукой, он увидел, что стоит перед огромным массивным зданием, вечным и непоколебимым, в котором в войну и в мирное время «Маршалл и К°» вершили свои дела. Таблицы и цифры ждали его, хитроумные, верткие цифры законных доходов, которые удалось получить мировому производителю затворов и турбин в этот кровавый и прибыльный год, и цифры, которые попадут в официальный годовой отчет. Амортизационные отчисления... 3 100 456,25 доллара.

Он смотрел на высокое сверкающее здание, устремленное в нежное летнее небо. Люди толкали Нелсона, а он стоял у подъезда, не в силах войти внутрь.

Перевел с английского
А. ГЕРАСИМОВ

[1] *В 1931 году империалистическая Япония захватила три северо-восточные провинции Китая и в 1932 году создала там марионеточное государство Маньчжоу-го (просуществовало до 1945 года), полагая использовать его как плацдарм для агрессии против СССР и Китая; в 1935 году войска фашистской Италии вторглись на территорию Эфиопии и в 1936 году объявили ее своей колонией, но эфиопские патриоты продолжали борьбу и в 1941 году изгнали итальянских оккупантов с территории своей родины; 1936—1939 годы — гражданская война в Испании в защиту республики, против военно-фашистских мятежников, которых поддерживали Гитлер и Муссолини.— Примеч. ред.*

ВАШЕ МНЕНИЕ?

ЭТИ ЧАСТНЫЕ, ОБЩИЕ СЛУЧАИ

Калин ДОНКОВ,
болгарский писатель

(Дискуссионные размышления: кто в действительности неудачник? Истинная цена «трудной» и «легкой» жизни. Какой начальник лучше — суровый, добрый или... достойный? Полезна ли критика?)

«НЕУДАЧНИКИ»

Не так давно, после одного трудного вечера, я остановил такси с зеленым огоньком на ветровом стекле: хотелось немного прийти в себя, успокоить нервы до возвращения домой. За рулем оказалась женщина-шофер лет тридцати, с густыми темными волосами. Пару раз я поймал в зеркале стрельнувший в меня ее быстрый взгляд. Ничего мне не сказал этот взгляд. Наконец женщина обратилась ко мне с вопросом: «Когда это вы умудрились так поседеть?» Я недоуменно пожал плечами. Она продолжала разочарованно: «Не помните меня. Я Мария». Наступил тягостный момент: действительно, не мог припомнить. Может быть, и всплыла бы она в памяти, не будь я так расстроен. Где-то у Орлова моста Мария уже с улыбкой спросила: «А «Варшаву», кафе «Варшава», шестьдесят четвертый год не вспоминаете?» Меня везла Мария. Мария Черная. Мария Негра, как потом ее стали называть «по-европейски».

В то время было модно задаваться вопросом, что выйдет в дальнейшем из молодежи, проводящей время в разных кафе, и многие начинающие авторы, сунув пятерку в карман, пристраивались к какой-нибудь компании для ее изучения. Я прилепился к группке, собиравшейся в новой тогда «Варшаве», и сразу же понял, что мне повезло: группа была умеренной, «норма» ее состояла из двух маленьких рюмок коньяка с лимоном и сахаром, вечер она завершала у кого-нибудь дома, довольствуясь несколькими бутылками самого дешевого вина. Вообще-то идейным, да и эмоциональным содержанием собраний группы было... ожидание. Юноши и девушки ждали, по моему мнению, ждали неизвестно чего, во всяком случае, не того, что надо. «Нет, не прав старик Хемингуэй, говоря, что главное — это начало,— любил изрекать вожак.— Начинать будем тогда, когда сочтем необходимым. Человек не должен соглашаться на любое дело, надо с самого начала шагнуть высоко...» И так далее. Из всех ребят только Черная знала, чего хочет. Она мечтала путешествовать; ребята смеялись: по полдня может кататься на трамвае. Предприняла шаги пойти в авиацию, стать стюардессой, но для этого надо было знать языки. На торговый флот тоже никакой надежды. И она поступила на курсы водителей, а потом села за руль. «Ты для нашей компании двоюродная сестра,— сказал ей однажды вожак.— Мы все как одна семья, а ты нам только двоюродная». Потому что она не болтала о театральном вузе, о кинематографическом, о дипломатическом...

Вскоре у меня начались экзамены, практика, появились другие темы, и я исчез из «Варшавы». За истекшие годы встречал кое-кого из знакомых, они как-то быстро поблекли, некоторое время еще «ждали», потом перестали... Девушку вожака я увидел в павильоне лотереи, она там работала, будучи замужем за другим. Сам вожак служил в хозяйственном отделе одного учреждения. Была среди них некая Пепа, она стала инкассатором. Пан-спортсмен компании выплыл референтом статистического управления. Многие приютились в различных кооперациях. А сейчас вот Мария Негра подавала световые сигналы, тормозила, набирала скорость и посмеивалась.

Мы сговорились увидеться на следующий день в «Варшаве», и ровно без двух минут четыре она вышла из такси, вынула из сумочки пеструю рыночную сетку и передала ее шоферу. «Мой муж,— объяснила мне, когда поняла, что я видел их через окно.— Специально выбрала супруга по фамилии Чернев, и сейчас я уже не Черная, а Чернева...»

Кондитерская полностью изменилась, не осталось и следа от обстановки времен нашей молодости. Мария Негра все-таки была лучшим воспоминанием того периода, милой двоюродной сестрой. Потом она возила директоров и их жен, работала в министерствах и редакциях, наездилась досыта. У нее уже второй сын. «Сейчас я мечтаю,— рассказывала Мария,— устроиться вместе с моим Черневым на линии международных перевозок и колесить на грузовике по Европе и Азии. У нас знакомые даже до Красного моря добирались. Вот только пусть дети немного подрастут. Тогда заткнем рот старым приятелям. Им, видите ли, не по душе, что мне моя работа нравится, сплошные сожаления при встречах. Собираются без меня, опять же рассуждают о том, как у меня не заладилась жизнь. А я смотрю на них — мне кажется, что и они не слишком ушли вперед. Да пусть себе говорят, может, так им своя служба представляется более значительной...»

Мария Негра хорошо знает своих бывших друзей, на собственном горбу проверила, как необходимо самодовольство определенному типу людей, как важно для них при отсутствии импульса и энергии для развития, при отсутствии всякого желания преодолевать трудности внушить себе, что у них все в полном порядке, что в сравнении с теми, кому они приклеили ярлык неудачника, у них есть все основания гордиться и способностями своими, и положением, и достигнутыми результатами. Их чувство превосходства питается, например, тем, что их уважает начальник, повышают по службе, что за меньший труд они получают больше других, что живут на «престижной» улице. Ведь гораздо неприятнее спускаться в шахту, бороться, если потребуется, с начальством, отказываться не только от предпочитаемой улицы, но и от предпочитаемой столицы, трудиться так, что за работу твою всякая плата покажется маленькой. Провозглашая такого человека неудачником, окружающие отлично сознают, что его стиль жизни им не по силам. Никогда никто из них не скажет: если бы я захотел, и я бы смог так. Отнюдь, они не хотят «смочь так».

Хотя жизнь не спортивное соревнование, часто ссылаются на какие-то почти конкурсные правила, какие-то выраженные в баллах оценки того, как можно уйти «далеко» и как «отстать». Несколько лет назад я хотел написать небольшой материал о герое Освободительной войны (против турецкого феодального господства.— Ред.) майоре Горталове, погибшем на одном из холмов близ моего родного города Плевена. Собирая данные, я узнал, что почти всю свою жизнь этот человек считался неудачником, о нем говорили, что он не «растет», что его все время «забывают» при повышении в должностях и наградах. Да, он был честным, справедливым, человечным, храбрым, но верно и то, что к моменту третьей атаки на Плевенскую возвышенность, после двадцатилетней службы, он командовал только ротой и пошел в бой с капитанскими погонами. Недавно я прочел где-то о его репутации невезучего человека, о его трудной военной жизни. Трудная жизнь! Если не существуешь легко, если нет денег, значит, тебе не повезло. Так раньше считали. А то, что эта трудная жизнь Горталова была обязательным этапом перед высоким подвигом — броском на турецкие штыки в редуте Praesentia Кованлык,— это несколько тяжелее укладывалось в сознании. Труднее понять даже теперь, по истечении столетия, что именно в суровые и мужественные годы военной службы, отказываясь от всяких компромиссов, безупречно следуя человеческому и солдатскому долгу, этот «неудачник» день за днем ковал свой, если можно так сказать, успех, достигнув вершины на окровавленном редуте. Потому что бессмертие — всегда высочайший успех для воина, для человека вообще. Бессмертие, не просто провозглашенное, а проверенное в течение века!

Первоначальный мой проект бичевания самодовольных людей теперь мне кажется невыполнимым. Кого они могут «превосходить»? Можно было бы выбрать, конечно, жертвы на роль неудачников, но нет таких неудачников, которых хотели бы видеть самодовольные. Нет неудачников, чье существование стало бы лучшим бальзамом для их амбиций, компрессом для их дарований, остывших от практицизма, поводом для улыбки на их помрачневших от равнодушия лицах.

Хотя мы уже немало поговорили о классификации «удачники — неудачники», хотя всем ясно, что эта классификация развращает личность и обессмысливает исконные принципы, все же зададимся еще одним, последним, вопросом. Не проще ли употреблять слова согласно их значению, чтобы они давали каждому то имя, которого он заслуживает? Конечно, тогда мы должны будем перекрестить огромные массы «удачников», утопить многих «преуспевающих» в купели честной переоценки, то есть разочарования.

И все же у нас нет гарантий, что, даже сменив имена, они сменят веру...

Окончание. Начало см. в № 1, 3 за 1985 год.

ОБЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Если человек начинает вести речь о власти, окружающие сразу же думают, что он будет говорить о министрах и генералах. Есть и другой предрассудок: всякий разговор о власти — разговор против власти. Есть и другие причины, большей частью несерьезные, из-за которых эта тема отодвинута в дальний угол. И хотя у каждого есть свое, очень личное мнение о власти, категоричную, твердо выраженную позицию здесь трудно сформулировать. И все же попытаемся рассмотреть: отношение к власти, которая в большей степени дается великому множеству наших граждан; понимание власти как выражения нравственности; определенной идеи; или даже — вкуса; или даже — настроения.

Когда вы подпадаете под власть бакалейщика, мясника или приемщицы в химчистке, вы страдаете от их бесцеремонности и устраиваете скандал либо уходите возмущенными, размышляя, почему вы неизбежно оказываетесь у них «в руках». Кто бы вы ни были, все равно рано или поздно попадаете «в руки» официанта или швейцара, использующих свою власть, чтобы вас обслужить или нет, впустить или не впускать. Таких диктаторов человек встречает непрестанно и непрестанно же старается от них отмежеваться. Домоуправ оставляет вам записку: «Немедленно явитесь...» Учительница из школы сына звонит: «Приходите, не то...» И каждый грозит, что примет против вас меры. И каждый считает, что может потребовать у вас паспорт... Растолстевший завхоз неожиданно вас предупреждает, чтобы вы стояли перед ним по стойке «смирно», когда вы приходите за скрепками и копиркой. Если не будете стоять «смирно», придется писать доклады в одном экземпляре и оставлять их несколотыми. Жена какого-то начальника заводит привычку стоять у входа и смотреть, кто как с ней здоровается, а потом делает выводы, дает советы. И вы все как один начинаете ей так улыбаться, что по сравнению с вашей улыбкой любое проклятие — благодать. Или кто-то из шефов приказывает персоналу ходить по черной лестнице, а парадный ход оставляет для руководства. Или вдруг поступает запрет ставить машины перед фасадом предприятия, женщинам — ходить на работу в брюках, или, не дай бог, кто-нибудь отпустит бороду... Да мало ли комических вспышек учрежденческого абсолютизма!

В нашем представлении о людях образ «начальника вообще» всегда какой-то расплывчатый. Нечеткость проистекает из его самого устойчивого признака. Во-первых, потому, что расстояние мешает рассмотреть его подробно. Во-вторых, потому, что крайне неудобно разглядывать. В-третьих, потому, что человек себе начальников не выбирает. Сам начальник в большинстве случаев старается так организовать дело, чтобы вопрос о его человеческих качествах отпал раз и навсегда, чтобы не ставился он ни в связи со служебными обязанностями, ни в разговорах так называемого личного порядка. То есть он старается добиться неожиданной, почти сенсационной привилегии, нигде не записанной и никем не благословенной, но вполне реальной. Смешно, например, назвать директора эгоистом. Или сделать вывод о его высокомерии. Если льет дождь и он садится в «Волгу», не пригласив ни одну сотрудницу из сгрудившихся у дверей служащих, это не считается предосудительным. Но если он пригласит только одну — это уже событие.

Впрочем, и хорошие черты начальника всегда оцениваются самой щедрой мерой. Доброта, любезность, самое обычное сочувствие к житейским затруднениям подчиненных получают почти легендарное эхо в «массах». Может быть, потому, что считается: по мере продвижения по служебной лестнице подобные качества, случается, улетучиваются. Или потому, что эти «интимные» добродетели выглядят странно в применении к человеку, наделенному властью. Суровый и вечно нахмуренный шеф, резкий и устрашающий, смущает нас значительно меньше, чем улыбчивый, доброжелательный. В этом, возможно, мы правы, поскольку доброму начальнику согласно неофициальной служебной социологии обычно садятся на голову. А известно: кто садится на голову шефу — хитрецы, мошенники, подлизы. Поэтому дистанция и еще раз дистанция!

Человеческие качества не столь важны. Главное — деловые способности. И конечно, в этом есть доля истины. Но если некоторые черты личности, казалось бы, не имеют большого значения, начальник все же должен обладать ими. Если у подножия высокого стола начинается «битва за корону» и кто-то в ней использует недозволенные приемы, если практикуется презренное учрежденческое подсиживание, если распространяются устно или письменно всяческие «неточные сведения», это считается банальным и мелким. Оно перестает быть банальным и мелким, если претенденту удается воссесть за высокий стол,— тогда из личных эти черты превращаются в деловые. Калибр жертв резко возрастает: оболганными, обойденными, подведенными, скомпрометированными и обманутыми становятся целые предприятия, организации, огромное количество клиентов, пациентов или читателей. Как известно, такие начальники скорее исключение, чем правило, поэтому весь наш пафос выглядел бы бессмысленным, если бы... если бы при каждом подобном случае не оказывалось, что человек обладал всеми этими «достоинствами» еще чуть ли не в начальной школе, что его просто нельзя было выдвигать, если, конечно, мы не ставили целью еще раз удостовериться в том, что личные отрицательные свойства непременно превращаются в деловые. Такой эксперимент обойдется слишком дорого — и не экспериментаторам, а упомянутым выше предприятиям, организациям, клиентам, пациентам, читателям, общественности, народу, государству. Уверяю вас, мелкий человек мелким и останется, какие бы масштабные возможности вы ему ни предоставили. Гарантирую, лжец только укрупнит свои преступления, почти смешной мистификатор завтра может затянуть паутиной целую фабрику, а незначительный воришка впоследствии не упустит случая «извлечь» для себя как можно больше.

Но это вовсе не справка для отделов кадров. Мысли об этих отклонениях для того личного состава, который спокойно смотрит, как недостойные отчаянно лезут наверх, и делает вид, что его не касается, если кто-то из них все-таки пролезет. Это мысли для тех честных и порядочных людей, которым словно и не приходит на ум, что моральные качества измеряются всегда одним аршином, для тех, кто и не задумывается над нравственной чистоплотностью начальника.

Долгое время мы наивно хотели верить, что люди вообще — существа сознательные. Но сейчас мы все-таки считаем, что надо вглядеться в человека, даже если это и не совсем нам по нутру. Как бы не получилось так, что посчитали симпатягой того, кто на собрании предает друга, чтобы угодить сильному, кто использует с выгодой для себя беду сотрудника, кто перепродает дубленки, достает директору пресловутый дефицит, роется в ящиках столов своих коллег, воюет за лучшее место на служебной автостоянке и т.д. и т.п. Не считайте его симпатягой и не давайте ему «расти», потому что тогда драма будет не только личной. Но драма возможна и в том случае, ежели нечистоплотные приемы вызовут лишь негодование, но не протест, то есть мы просто уступим дорогу, отстранимся, чтобы не испачкаться. Мерзавцы рвутся к власти через шеренги чистюль.

Пачкайте руки, когда в этом есть необходимость! Они отмываются...

Помню самые разные случаи, когда мы говорили с приятелями о ком-то, кто бездарен, но с «организаторскими способностями». И мы смеялись от всего сердца, предполагая, что ему не остается ничего другого, как искать место начальника. Сейчас я все думаю, над чем мы смеялись...

Помню, как неоднократно, когда решался вопрос о выдвижении неспособного человека, мы молчали, считая, что дело уже обговорено, что, выступи мы против, нас посчитают завистниками. Сейчас я спрашиваю себя, почему мы молчали...

Помню, как мы, давая дорогу льстецу, радовались, предвидя, что он, «вдев ногу в стремя», не преминет отплатить неблагодарностью, отомстить своим бывшим покровителям. Сейчас я удивляюсь, чему это мы радовались...

Как мы могли смеяться, молчать или радоваться? Откуда это безразличие при ежедневном распределении прав и обязанностей, откуда эта ничего не значащая кротость, это за-

разительное самоустранение, эта негражданственная терпимость в бесспорно щекотливые моменты, когда «раздают» посты? Разве мы забыли, что всякая, даже самая незначительная власть — частица большой, великой? Разве мы забыли, откуда идет она, могущественная и справедливая, та, которая нас карает и которая нас защищает? Как мы можем допустить, чтобы к ней примазались люди, способные ее унизить и оскорбить? Эта власть... — прежде всего синоним чести! И не твоей личной чести, а чести тех, кто шел на расстрел, на виселицу, на костер во имя твоего сегодняшнего положения!

Честь людей, наделенных властью, и честь государства — большая общая забота, общая ответственность, и всякое равнодушное к ним отношение может их унизить. Власть может попасть к недостойным людям. Это не догадка, не опасение, не гипотеза, а факт — может. Когда мы подпеваем в служебном хоре, когда восхваляем и превозносим недостойных, когда украшаем себя чудесными эпитетами и кукарекаем с закрытыми глазами, мы думаем только о нынешнем дне, забываем об истории. Но ни вéка до нас, ни векá, идущие на смену, не простят нам ни малейшего принижения чести власти. И уж, конечно, никакого небрежения к этому важнейшему делу не потерпит век, в который мы живем. Неторопливый и лихорадочный, гуманный и кровавый, холодный и сентиментальный, враждебный и дорогой нам всем XX век...

СТИЛЬ — ЭТО ЭПОХА

Я излил не гнев свой, а горечь. Статья ополчилась на инерцию уравнивать возможности, безлично распределять результаты труда, наваливать основную тяжесть на способных и добросовестных, лицемерно раздавать поровну отличия и блага. Никак не мог я, правда, объяснить в статье, откуда во мне неловкость, боязнь обидеть тех, кто не умеет или не хочет трудиться. Потом, после публикации статьи в газете, я стал ждать писем и получил их много.

Получил я и одно трезвое, сдержанное письмо. Из Стара-Загоры. Моя корреспондентка статью в целом одобряла, достаточно хладнокровно оценивала возможные ее результаты и выдвигала серьезные претензии: «Тема актуальна уже много лет и с каждым днем становится все актуальнее. Об этом я думала, говорила, спорила и сейчас с истинным удовольствием увидела все мои отрывочные суждения высказанными связно, мотивированно. Но я не убеждена, что статьей вы достигнете разрешения вопроса. Человек десять пожмут вам руку, и трое из них будут лентяи и бестолочи. Легче, конечно, просто злиться на уравниловку, но кто-то же должен сделать первый шаг. Проблема различного вклада в общее дело, проблема хорошей жизни для лентяев и бездарей очень важна и интересна. В статье, как сами пишете, вы «сорняки выявили», однако не вырвали их. Высказались по поводу причин, порождающих явление, но умолчали, почему оно так живуче и сегодня. Когда-то у нас был очень строгий комсомольский инструктор, который требовал, чтобы мы писали острые, критичные доклады. По первое число доставалось от него тому, кто, раскритиковав работу, не предлагал затем ясного и конкретного пути устранения недостатков. Не знаю, где сейчас этот человек, но, если он прочел вашу статью, концовка не могла бы его удовлетворить. Вы выступили с призывом, но ведь призывами работу с места не сдвинешь. Вопрос, поднятый вами, нужно углубить, может быть, еще раз написать, сравнить разные точки зрения... Начали дело — закончите его, сделайте выводы, укажите выход...»

Лозунг комсомольского инструктора, очень распространенный когда-то, автор письма усвоила как принцип, превратила его в стиль. Именно такой стиль характерен для отправительницы письма, иначе она не смогла бы проявить и справедливый максимализм, не осталась бы верной требованию «указать выход», «сделать выводы».

Кто знает, почему я начал рассуждения о стиле с примеров, касающихся критики. Невольно вспоминается знакомство с одним директором фабрики. В течение десяти лет на него не поступило ни одного анонимного письма. «Все письма против меня подписываются! — гордился он.— Я самый критикуемый директор...» Но это критика особого стиля. «Во-первых, на каждом собрании, когда кто-нибудь начинает костерить начальство, коллег и порядки, я встаю вслед за ним и задаю вопрос: «А что ты предлагаешь?» Предложения бывают самые невероятные, по ним сразу же ясно, кто чего стоит, однако такой стиль принес хороший результат: на фабрике быстро установился порядок — стыдно говорить, ничего не предлагая. А я взял на себя обязанность следить, чтобы руководство высказывало свое мнение о каждой идее, о каждом упреке, о каждом возражении людей. Потихоньку у нас сложилось мнение, что главное во всякой критике — какое она содержит предложение. И вот уже года два, как люди встают и прямо предлагают, без «увертюры». Поэтому прикусили язык те, кто, изображая критическую отвагу, на самом деле пытался свести с кем-то счеты. Теперь каждый может прийти ко мне, предложить исправить какие-то ошибки в моей работе, в производстве. В конце концов, предложения о нововведениях означают критику старого — плохого, негодного. Это позволяет мне гордиться тем, что я более других критикуемый директор...»

Принцип комсомольского инструктора здесь получил дальнейшее развитие, прояснился, осмыслился, стал стилем, выделяющим из явления самое важное, самое нужное, самое прогрессивное. Идея перемен — не это ли главное во всякой истинной критике? Стиль, выработанный коллективом фабрики,— ориентация всей его жизни, всей его деятельности, всех его дум на осуществление чего-то существенного, творческого, единственно плодотворного. Думается, любой стиль определяется тем, что составляет его сердцевину,— либо главные принципы, провозглашенные нами идеи, наши мораль и законы, либо какие-то менее значительные, не столь стратегически важные соображения.

Необходимо также коснуться стиля работы. Работы в буквальном смысле. Как мы ее выполняем, как ею руководим, как ее оцениваем, как за нее вознаграждаем, какие рабочие требования предъявляем. Как распределяем блага, которые дает труд. Какой мерой выдаем похвалу и взыскания. Как ищем гармонию между человеком и трудом. Правило, которым следует руководствоваться при решении подобных вопросов, известно каждому ребенку, это правило — мы называем также законом социализма — гласит: «От каждого по способностям, каждому по труду». Основной закон нашего строя столь категоричен, что любые отклонения нам кажутся немыслимыми. И все же...

Порой чуждые соображения подменяют (и мы это допускаем?) основной закон. Осмеянный до отвращения блат, личная выгода, авторитетное ходатайство, личная симпатия, землячество, взаимная выгода, иногда даже общее хобби: сколько важных для работы решений принимается, например, во время охоты!

Большая правда может быть закрыта маленькой правдой «практиков», тех, кто ловко прикрывается десятком мелких, временных, скучных вещей, эти вещи якобы заслоняют от них основную цель. А важно, чтобы личность имела мерилом именно главное, была хорошо подготовлена к достижению главной цели. Как? Идеологически. Нравственно. Научно. Иначе человек запутывается в мелких задачах, в мелких схватках, в мелких проблемах, подменяет большие стимулы мелкими и, таким образом, становится опасен обществу — он может измельчить задачи, проблемы и стимулы. Ясно, что крупная цель не может быть достигнута любыми средствами, условие «любой ценой» здесь не подходит — стиль требует точно определенных средств и допускает точно определенную «цену». Для стиля большой правды имеют силу лишь средства большой правды. Только такой стиль гарантирует движение вперед.

Тогда, стиль — это движение?

Хорошо известно и такое изречение: стиль — это человек.

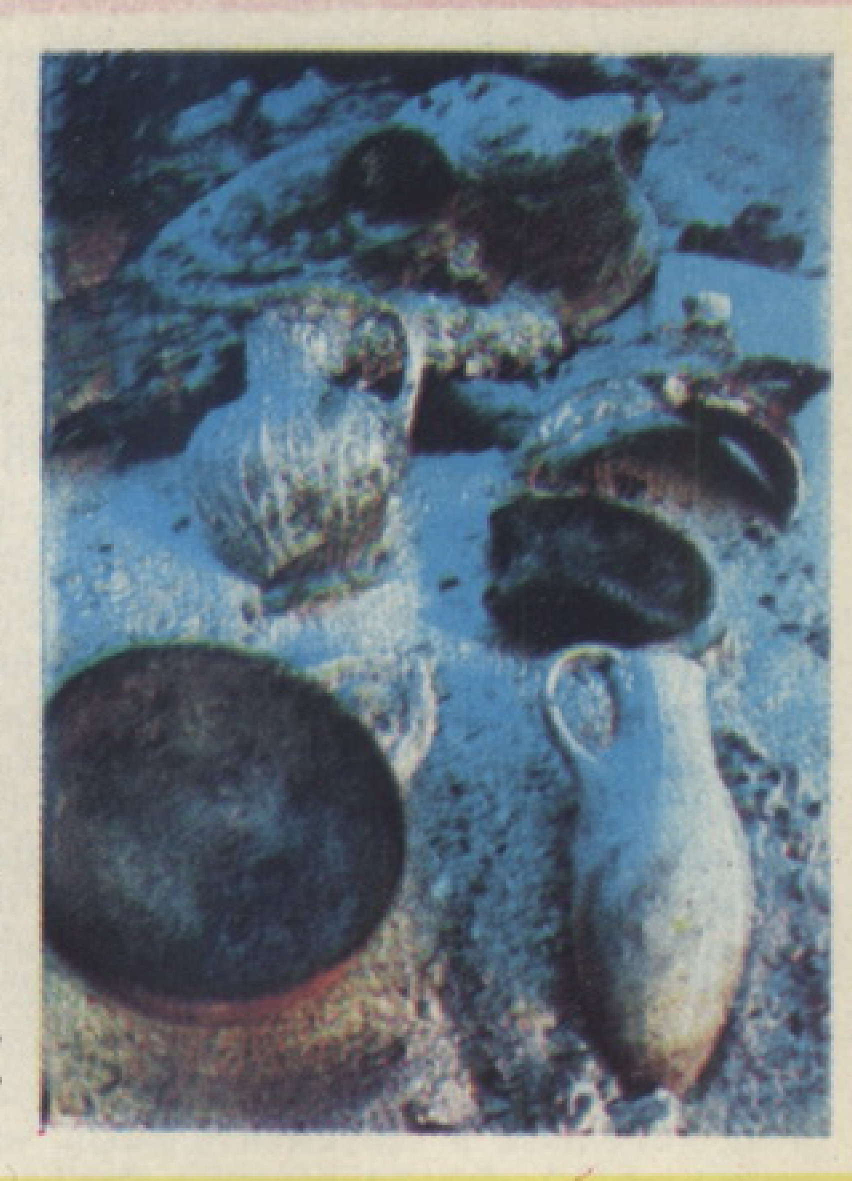
Можно сказать и иначе: стиль — это эпоха!

Будем же ответственны за стиль и, следовательно, за эпоху...

Перевела с болгарского И. ПАНОВА

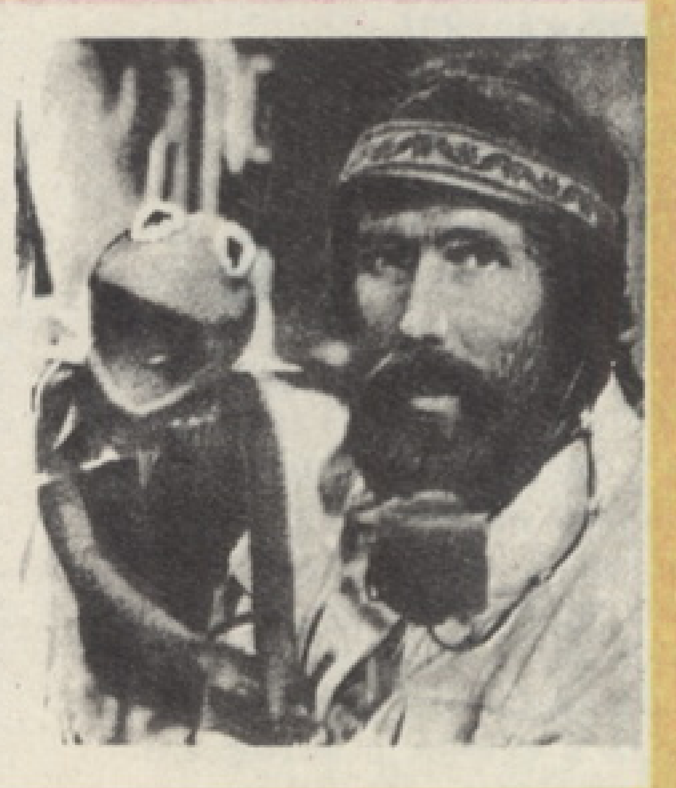

САМОЕ ДРЕВНЕЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ. «Миски с ушами» лежали возле затонувшего старинного корабля. Слухи о нем дошли до Джорджа Басса, известного американского подводного археолога, и он ринулся посмотреть находку: верно, у берегов Турции покоился почти что целенький корабль, возраст которого приблизительно 3500 лет. Это самый древний из известных археологам затонувший корабль и «самый неразворованный»: он лежит на глубине около 800 метров. «Найденные здесь ювелирные изделия — бесценный клад. Теперь мы намного больше знаем о бронзовом веке и о жизни народов, населявших Средиземноморье»,— считает Басс.

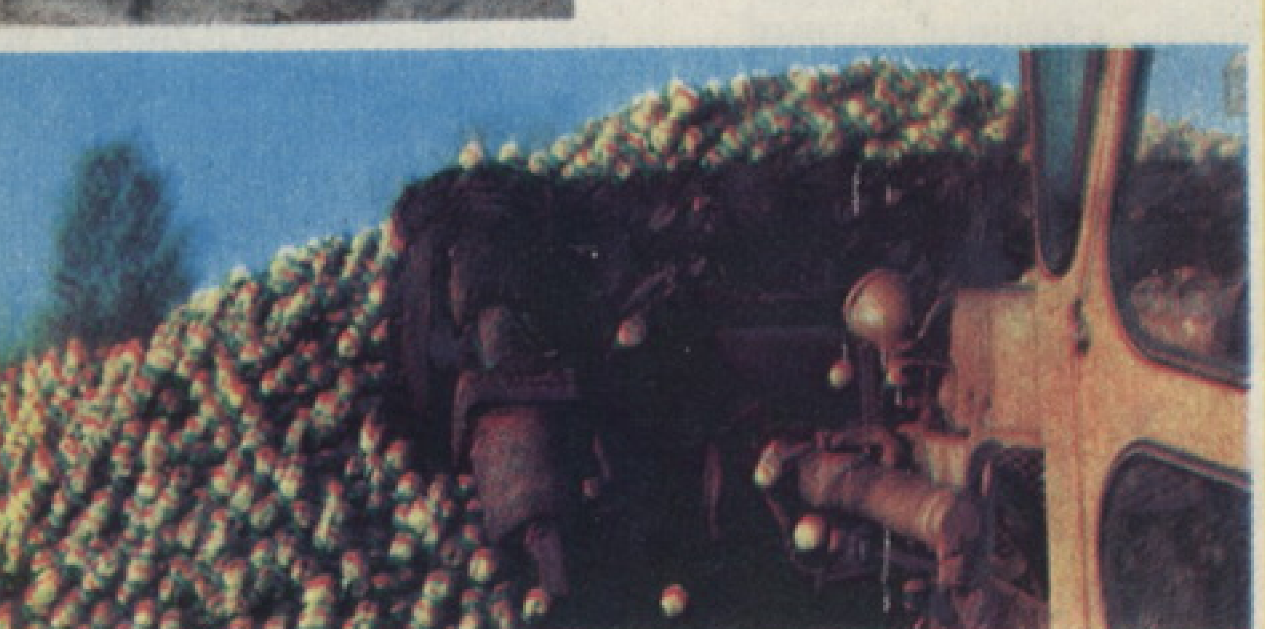

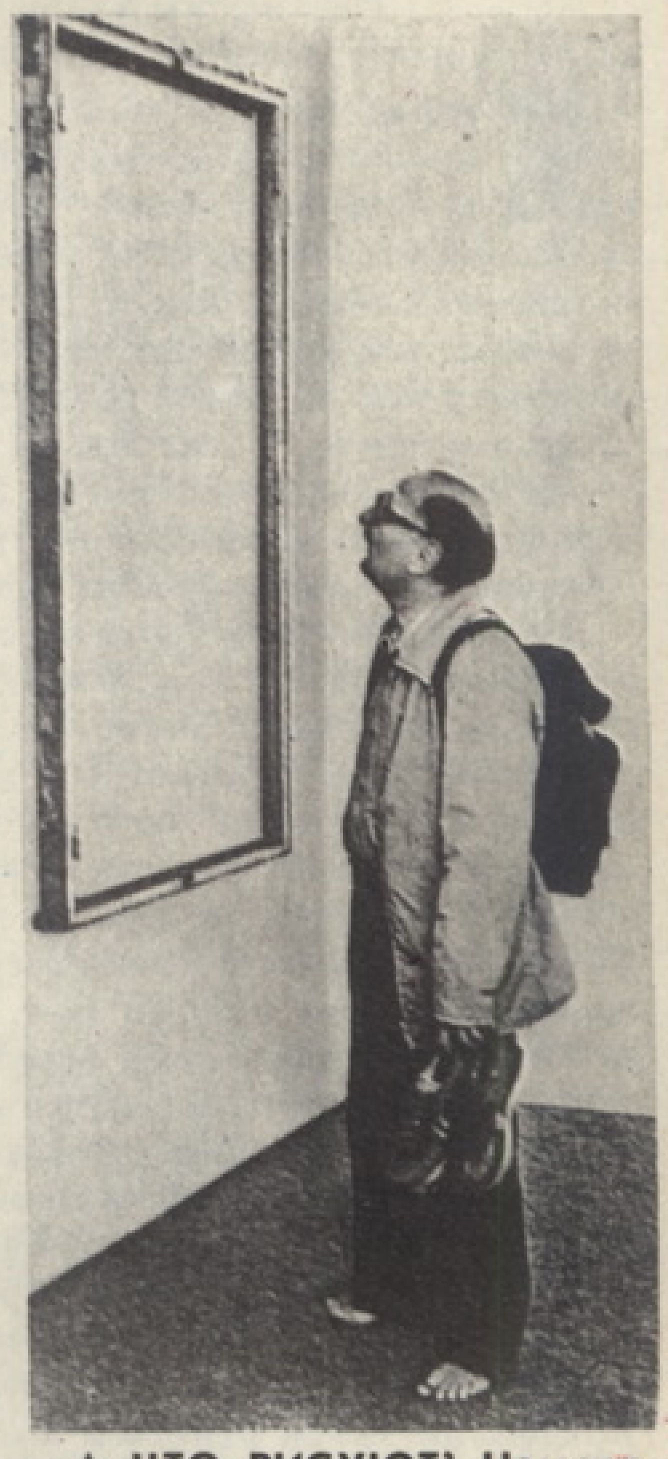
УЧИТЕЛЮ ОТ УЧЕНИКА. Американца Джима Хенсона называют «волшебником кукол», однако Хенсон считает, что в своем мастерстве он все же не превзошел своего учителя — «настоящего волшебника из Москвы», Сергея Образцова. Чтобы познакомить миллионы американских детей с «театром чудес» и его создателем, Хенсон приехал в Москву и снял фильм о театре Образцова. А знаменитая образцовская коллекция кукол пополнилась новыми экспонатами из США.

ЯБЛОЧНЫЙ ВЫПАС. Ревут бульдозеры. Кричат погонщики коз. А вокруг горы яблок, сочные, спелые, крепкие горы. С окрестных холмов на происходящее со слезами смотрят крестьяне. Надо уничтожить 800 тысяч тонн яблок, то есть примерно 400 миллионов штук. Есть ряд способов: раздавить гусеницами, сжечь, скормить козам. Коза — самый дешевый способ уничтожить горы яблок, и вот с гор спускаются стада... Это не фильм абсурда, это «Общий рынок» уничтожает яблоки, чтобы на яблоки не упала цена.

А ЧТО РИСУЮТ! Намозолив глаза и ноги, этот посетитель парижского Музея современного искусства так и не смог найти ответа на этот животрепещущий вопрос.

Так что же все-таки рисуют!

В «МИРЕ ИСКУССТВ». По вине смотрителя зала № 1 Музея современного искусства Франкфурта-на-Майне был нанесен непоправимый вред работе «Два стоптанных башмака на каминной доске»: кто-то из посетителей украл один башмак.

ШЕРЛОК БЕССМЕРТНЫЙ. «Они вместе упали в пропасть, так и не разжав последних объятий». Артур Конан Дойл поставил точку. 1893 год, рассказ «Последнее дело Холмса». Но под давлением общественности Дойлу пришлось оживить знаменитого сыщика и написать «Собаку Баскервилей». Тем дело не кончилось: по киноэкранам мира пошли десятки Холмсов, Уотсонов и злодеев (у всех на памяти недавний наш телефильм, где Холмс—Ливанов явно переиграл американский вариант «Собаки»). Английское телевидение, похоже, решило точку все-таки поставить, показав во всех подробностях, как Мориарти и Холмс падают в Рейхенбахский водопад. Да только вряд ли зрители захотят поверить, что это действительно конец.

«ВСЕХ В ТЮРЬМУ» — 14-й фильм Альберто Сорди, в котором он выступает как режиссер, как актер и, как всегда, обличитель. На этот раз герой Сорди — помощник прокурора — строго следует закону, взяток не берет, но... отправляет в тюрьму, как выясняется, ни в чем не повинных людей, в то время как настоящие преступники остаются на свободе. В чем же дело! «Такова наша итальянская юстиция,— говорит Сорди,— и один честный служака ее не может исправить. А я просто рассказываю языком кино то, что вижу вокруг».

КАК ДВАЖДЫ ДВА. Голос — хорошо, а два — лучше, потому и стали записываться на одном диске такие звезды, как Хулио Иглесиас и Дайана Росс (снимок справа), Пол Маккартни и Майкл Джексон, Барбра Стрейзанд и Бэрри Джиб из «Би джиз» (снимок слева). Нет, дело не в творческом содружестве — дело в арифметике: увеличивается вдвое число покупателей дисков — увеличивается вдвое прибыль. А песен-то вдвое меньше!

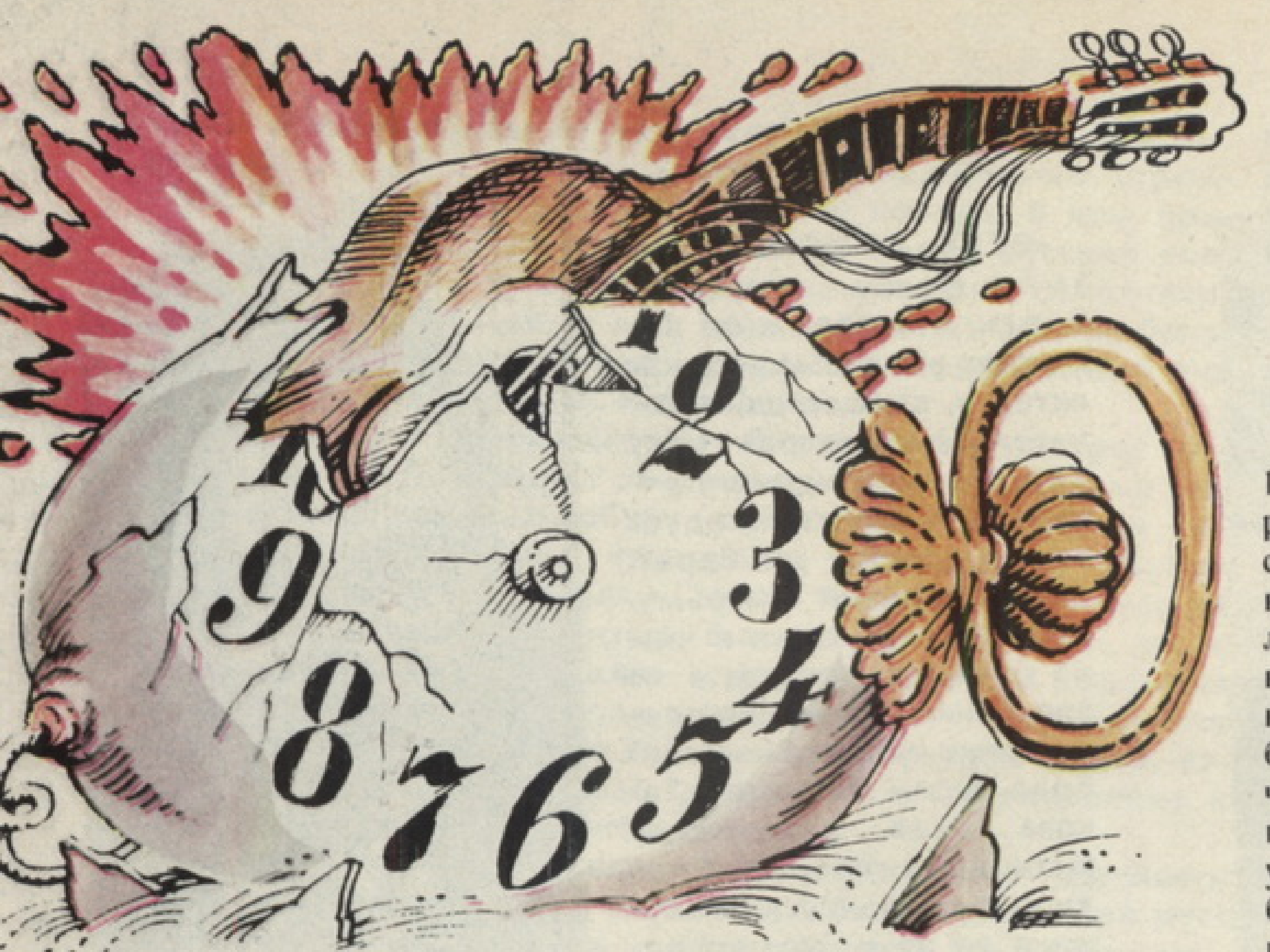

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ. «Этот танк очень хорош, и было бы полезно купить много-много таких танков». Дитер Бюрле знает, что говорит. Он полковник генерального штаба швейцарской армии и, следовательно, отлично знает, в чем она нуждается. А нуждается она, утверждает полковник Бюрле, конечно же, в хороших танках, как раз таких, какие по счастливому совпадению выпускает фирма, акционером которой является... Бюрле. Так что, можно сказать, один Бюрле танки производит и продает, а другой — покупает. И оба Бюрле очень довольны.

ЛЮБОВЬ И ЛЕБЕДИ. Ученые установили, что 92 процента видов птиц и множество других животных выбирают партнера раз и навсегда. Лебедь, например, лишившись любимой, «мучается» от тоски и одиночества и уже никогда не взглянет ни на какую другую красавицу лебедь. Один из видов попугаев так и называется «неразлучники». Впрочем, любовь тут ни при чем, считает английский этолог Робин Данбар: в одиночку трудно, а часто и невозможно вырастить потомство. «Семье» легче уберечься от хищников. Например, «супруги» антилопы сасса всю жизнь не отходят друг от друга далее чем на пять метров: когда он щиплет траву, она стоит на часах, потом часовым становится он и, заметив опасность, подает сигнал к бегству. Инстинкт, и только! «Неразумность» животных в последнее время уже не утверждается так категорично, как раньше.

РОК КАК ЕСТЬ

(Очерки очевидца истории поп-музыки)

Ник КОН,
английский журналист

НАЧАЛО

Родословная рок-н-ролла восходит к середине пятидесятых годов. В его основе — смесь двух традиций: негритянского ритм-энд-блюза и «белых» романтических баллад, то есть «цветного» бита и «белой» сентиментальности.

Новое в этой музыке — «агрессивность», известная доля чувственности и оглушающий шум. Решающую роль в ней приобрели электрогитары.

Вообще-то в самих электрогитарах ничего нового не было. Их уже давно использовали в джазе и ритм-энд-блюзе, но теперь они стали характерной приметой целого музыкального направления. Резкие, яростные звуки электрогитар сразу же вымели из популярной музыки всю присущую ей дотоле благообразность.

Предшествовавшая эпоха начиная с тридцатых годов была эпохой танцевальной музыки, все было мягким, приторным, сентиментальным. И притворным.

По законам развлекательной индустрии в трудные времена эстрада неизменно обращается к слезливой сентиментальности. А времена были действительно трудными: экономическая депрессия, война, послевоенная неразбериха. Невзгоды вызывали у людей потребность в утешении. Каждый день появлялись песни, в которых фигурировали лунный свет, увядающие розы и истекающие кровью сердца.

Хуже всего было то, что все это слишком затянулось: «танцевальные эры» длятся, как правило, не более нескольких лет, а тут время словно застыло. К началу пятидесятых годов развлекательная музыка окончательно зашла в тупик.

Музыкальной индустрией управляли бизнесмены, которых вполне устраивало существовавшее положение, доколе оно приносило гарантированные барыши. Новшества сами по себе их не интересовали. Они изменяли кое-какие детали, придумывали какой-нибудь новый трюк и на этом успокаивались. Да и с чего им было беспокоиться, когда никто не мог предложить настоящих новинок? Шоу-бизнес жил инерцией, о которой можно судить хотя бы по тому, что певцы достигали популярности, только когда им переваливало далеко за тридцать.

Исключением можно считать, пожалуй, Фрэнка Синатру. В начале сороковых годов, когда Синатра впервые появился на эстраде, ему было немногим больше двадцати. Человек юный по канонам эстрады того времени, он стал первым идолом публики. Но это не был «молодежный идол» в нынешнем понимании. Синатра пел те же баллады, что и все остальные, но у него были такие достоинства, как приятная внешность, выразительные глаза и обаяние молодости. Армия его поклонников состояла преимущественно из женщин. При виде своего кумира они начинали визжать, устраивали истерики, падали в обморок, а это уже было что-то новенькое. Впрочем, не такое уж и новенькое: точно так же публика выражала свой восторг звездами кино, но Синатра стал первой эстрадной звездой.

С гораздо большим основанием прототипом поп-идола можно считать Джонни Рэя, который прорвался к славе в 1952 году, в чем решающую роль сыграла маленькая пластинка с двумя песнями. Первая называлась «Белое облачко, которое плакало», а вторая — просто «Плач». Эти названия говорят сами за себя. Каждый номер Рэя кончался тем, что он падал на подмостки и разражался безутешными рыданиями. Таков был ритуал. Ритуалом стала и реакция публики: на концертах Рэя частенько происходили беспорядки, во время которых доставалось и самому Великому Проливателю Слез,— на нем рвали одежду, его царапали, тянули за волосы, и полиции приходилось спасать бедняжку. Он пел такую же чушь, что и остальные, даже, признаться, еще хуже, но это пение сопровождалось такими корчами, гримасами и рыданиями, которые напрочь выводили публику из равновесия, а в результате — скандальный успех.

Этот тощий, глуховатый и болезненный человек повергал публику в невиданную доселе разнузданную истерию, и это были ростки поп-культуры. Саму музыку Рэя еще нельзя было отнести к року, но атмосфера, царившая на его концертах, была вполне в духе грядущих побоищ, сопровождавших выступления многих рок-групп.

Ирония судьбы заключалась в том, что Рэй, который помог року проложить дорогу, от него же и погиб. Как только пришел настоящий рок, Рэй сразу стал казаться безнадежно устаревшим...

Пока на «белом» рынке доминировали душещипательные баллады, во главе «черной» музыки, как и всегда, стоял блюз. Но старый «плантаторский» блюз, неотшлифованный и крайне эмоциональный, все более вытеснялся шумным блюзом больших городов, электрогитарами и саксофонами. В конце 40-х — начале 50-х годов музыка городского блюза становится все более энергичной, тексты все более «солеными», а реакция слушателей все более несдержанной. Так незаметно возник новый стиль, который окрестили ритм-энд-блюзом.

Типичный состав групп, исполнявших ритм-энд-блюз, пять-шесть музыкантов, которые извлекали из своих инструментов серии громких аккордов. Это была непритязательная музыка, под нее хорошо было танцевать, и по сравнению со слащавой музыкой белых того же периода она была как свежий воздух, ворвавшийся в окно, распахнутое, чтобы проветрить помещение. Однако ни один из ее хитов, конечно, не транслировался «белыми» радиостанциями.

И все же ритм-энд-блюз начал просачиваться сквозь выдвинутые против него заслоны и доходить до белых ребят. Он им понравился! В 1951 году в Кливленде была организована серия лекций-концертов, посвященных ритм-энд-блюзу, на которых «цветные» исполнители выступали перед белой аудиторией. Чтобы избавиться от «расового клейма», было решено называть ритм-энд-блюз новым термином рок-н-ролл (от английского «rock» — «качаться, трястись» и «roll» — «вращаться, вертеться, кататься, грохотать».— Ред.).

На юге США существовал

обширный рынок не только для баллад и ритм-энд-блюза, а и для музыки кантри-энд-вестерн. Это была, так сказать, «дорожная» музыка кочующих с места на место ковбоев. Исполнители кантри-энд-вестерна котировались высоко и часто появлялись в хит-парадах.

Итак, вот музыкальные составляющие, из которых возник рок: традиционные баллады белых, сентиментальность кантри-энд-вестерна, мощь ритм-энд-блюза. И все это под истерический аккомпанемент публики, ставший ритуальным с легкой руки Джонни Рэя.

А теперь несколько слов о том, что не имело ничего общего с музыкой, но обусловило в пятидесятые годы повальное увлечение рок-н-роллом. Если в предшествующие тридцать лет молодые люди выходили из школ с чувством неуверенности и страха перед перспективой быть отправленными на войну или на какую-нибудь тяжелую работу, а еще хуже — оказаться в очереди за бесплатной похлебкой для безработных, то в пятидесятых годах жизнь стала полегче. Это были прямо-таки роскошные годы по сравнению с сороковыми. (Правда, на горизонте замаячила угроза взлететь на воздух от взрыва водородной бомбы, но это было что-то настолько чудовищное, трудно вообразимое, что никто тогда не хотел в нее верить.) И вот тогда подростки стали искать, на что бы истратить появившиеся у них деньги и время. Тут-то и произошло самое главное. Никогда раньше бизнесмены не рассматривали молодежь как независимых потребителей. Теперь же перед бизнесменами открылись вдруг новые возможности, и они поспешили ими воспользоваться. Возникла гигантская индустрия, работающая на обширный молодежный рынок.

Как и следовало ожидать, ребята стали покупать все, что перед ними выкладывали. Достаточно было прицепить к товару ярлык «молодежный», и он шел нарасхват.

Что касается музыки, то здесь было одно существенное препятствие: фирмы грамзаписи не представляли, чего действительно хотят молодые потребители. Им оставалось одно: тоннами поставлять на рынок то, что пошумнее, и наблюдать, на какой именно шум ребята бросаются охотнее. Рано или поздно бизнесмены надеялись наткнуться на золотую жилу.

Расчет оказался точным: в апреле 1954 года стареющий певец кантри-энд-вестерна по имени Билл Хэйли записал пластинку под названием «Рок вокруг часов». К началу 1955 года она стала хитом в Америке, затем в Англии и т. д. «Рок вокруг часов» положил начало повальному увлечению рок-н-роллом.

Летом 1956 года Билл Хэйли выпустил под таким же названием фильм, который стал своеобразным катализатором молодежных правонарушений.

Основное содержание фильма состояло в том, что Билл Хэйли ухмылялся. Он брал свою гитару, его знаменитый падающий на лоб локон начинал колыхаться, он запевал заглавную песню, расходясь все круче, а молодые люди тут же начинали неистовствовать, танцевать в проходах между рядами, ломать кресла, затевать потасовки.

Подобные эксцессы привлекли внимание прессы, которая сочла их прекрасным поводом для сенсационной шумихи о «молодежном бунте». Бизнесмены учуяли запах прибылей, и очень скоро этот самый бунт стал темой номер один, на которой поспешили погреть руки все, кто только мог: церковники предлагали духовное утешение, психологи давали научные объяснения, городские власти становились все суровее. Родители запаниковали. Рок оказался в центре внимания. А бизнесмены богатели.

Возвращаясь к Хэйли, стоит сказать, что как музыкант он был просто жалок. Он был приличным гитаристом, но певцом его нельзя было назвать даже с большой натяжкой, да и его группа «Кометы» тоже играла не ахти как. Честно говоря, это была халтура, но ее козырь был в новизне, у которой не было соперников.

Поначалу «Рок вокруг часов» воспринимали почти как шутку, не более. Но потом пресса подхватила его, назвала антимузыкой, и «Рок» внезапно превратился в символ поколения, стал родоначальником совершенно новой музыки, а Хэйли автоматически — ее лидером.

В первой половине 1957 года Хэйли совершал турне по

Англии. К этому времени популярность его в Америке уже падала с катастрофической быстротой, но в Англии она была в самом разгаре, и Хэйли пожинал плоды. С большой помпой он ехал из Саутгемптона в Лондон в специальном поезде, заказанном для него газетой «Дэйли миррор», и на вокзале его встречали тысячи поклонников. Он ухмылялся: «Здесь великолепно. Англия начинает мне нравиться».

12 февраля Билл Хэйли выступал в зале «Доминион». Этот вечер был прототипом будущих поп-концертов: музыка заглушалась криками, визгом, свистом, топотом ног и ревом толпы; галерка так тряслась, что казалось, вот-вот обрушится. Нельзя было расслышать решительно ничего, кроме бита — усиленного, непрекращающегося глухого ритма. «Биг бит» — вот что это было.

Однако сам Хэйли публику разочаровал. Вместо «рокера космического века» перед публикой предстал персонаж из старомодного водевиля. Саксофонист издавал визгливые звуки, выгибаясь назад так, что его тело было параллельно полу, а голова почти касалась подмостков. Басист ложился на свой инструмент, чуть не взбирался на него. Хэйли ухмылялся. Это был дешевый балаган, на который неловко смотреть. Правда, во время концерта никому и в голову не пришло освистать грубый фарс, разыгранный Хэйли и его группой, однако, едва затихли крики и топот, наступило отрезвление.

Но решающий удар по Хэйли нанесло появление Элвиса Пресли. Как только Элвис записал «Отель разбитых сердец», с Хэйли было покончено раз и навсегда.

ЭЛВИС

Чтобы рок воспарил к высотам, на которые рассчитывал бизнес, ему нужен был совсем иной герой: очень молодой, очень «свой» и очень обаятельный. Элвис Пресли как нельзя лучше подходил для этой роли.

Благодаря этому простоватому на первый взгляд парню из маленького городка Тупело, штат Миссисипи, стало ясно, каким огромным может быть потребительский потенциал подростков. До Элвиса рок-н-ролл был достаточно эфемерным отражением настроений послевоенной молодежи. С его приходом он превратился в силу, действие которой стало ощущаться далеко за пределами собственно музыки. Рок навязывал собственный стиль жизни, влияя на одежду, язык, манеру поведения.

Рис. С. ТЮНИНА

Элвис ничем не отличался от своих сверстников, и это подкупало больше всего. Он был флегматичен, добропорядочен, казалось, нечестолюбив, достаточно наивен и очень набожен. Он собирал игрушечных мишек, ел бутерброды с банановым пюре и всячески демонстрировал свою любовь к маме. Помимо этого, он немного играл на гитаре и пел.

Элвис вырос на музыке самых разных стилей: ритм-энд-блюзах, евангелических хорах и деревенских балладах. Его манера исполнения была невероятной смесью всех этих стилей, приправленной изрядной долей чувственности. Голос у него был напряженный, нервный; он резал как коса. Это был вымученный, незрелый, сырой голос, но прежде всего это был возбуждающий голос, какого никто до сих пор не слышал.

За два с небольшим года с момента появления в шоу-бизнесе Элвис вырос в целую индустрию с годовым доходом в 20 миллионов долларов. Он стал въезжать на сцену в золотом кадиллаке, разодетым в золотой костюм и золотые туфли. Бакенбарды свисали ниже ушей, а шевелюра, обильно смазанная бриллиантином, была зачесана надо лбом подобно утиному хвосту. С его лица не сходила кривая улыбка. С первыми звуками музыки он начинал вихляться, притом так усердно, что многие города наложили запрет на его выступления, сочтя их непристойными.

Он стал вести роскошную жизнь, завел четыре кадиллака, самолет, двух обезьян и очень много бриллиантов. На сцене, в промежутках между своими хитами, он пел религиозные гимны. С незнакомыми людьми был неизменно ласков, по-мальчишечьи застенчив и преувеличенно вежлив. Он скромно улыбался и бормотал себе под нос. Говоря с мужчиной, называл его сэром, а женщину — мэм, при этом опускал глаза и смотрел по сторонам, как бы ища сочувствия и поддержки. А между тем именно он, скромняга парень, примерный христианин и любящий сын, вывел на сцену неслыханную дотоле распущенность, которая производила неотразимое впечатление на желторотых юнцов.

Влюбленный в себя позер, он был моделью для тысяч подражателей. Лирика многих его песен традиционно романтична, но его крупнейшие хиты, как правило, отходили от этой традиции, поражая неприкрытым цинизмом.

Еще более важную роль, нежели привнесенная им на всеобщее обозрение развязность, сыграла заложенная в песне «Голубые замшевые ботинки» идея о том, что одежда может значить для человека все. Это был первый намек на одержимость вещами, которой вскоре суждено было стать важнейшим атрибутом рока.

К 1958 году Элвис еще более упрочил свой престиж. Уже целых два года он был «королем рока», а истерия вокруг его имени ничуть не ослабевала. Он снялся в нескольких фильмах, у него было двадцать хитов, однако надо было подумать и о будущем: ему уже исполнилось 23 года, и он не мог вечно оставаться идолом подростков. Возникла проблема, как без издержек сменить образ бунтаря подростка на респектабельную фигуру, чтобы при этом поклонники не почувствовали себя обманутыми. И вот удача: Пресли призывают в армию, и он исчезает на два года.

С этого момента Пресли становится все более благообразным, в армии он образец усердия, жизнерадостности и послушания. Начальство им не нахвалится, а пресса без устали поет дифирамбы: с такого каждый настоящий юноша американец должен брать пример! Итак, операция завершилась полным триумфом.

После демобилизации Элвис стал образцом респектабельности. Поэтому, как и следовало ожидать, его первой новой записью стала баллада «Теперь или никогда» — напыщенная модернизация известной неаполитанской песни «О мое солнце». И опять, как и следовало ожидать, эта запись была встречена на «ура».

Он напрочь отказался от гастрольных поездок, предпочитая уединение в роскошных особняках Голливуда и Мемфиса. Никто не ведает, что у него на уме. Говорят, что он немного скучает — вот и все, что нам известно о его частной жизни.

Что же касается творчества, оно сосредоточилось на выпуске бесконечных серий скучнейших мюзиклов, причем каждый последующий заметно хуже предыдущего. Сам Элвис постарел, отрастил брюшко, лицо его заплыло жиром, движения стали медленнее. В его голосе уже нет былой изюминки, его песни скучны и однообразны, фильмы похожи один на другой как близнецы, а декорации в них выглядят так, словно их сработали топором. И все-таки Элвис продолжает загребать солидные суммы, хотя его новые пластинки идут средне, а фильмы демонстрируются во второразрядных кинотеатрах.

Явление «Элвис» немыслимо без поклонников, для которых их кумир как бы обитает на другой планете. Время от времени его золотой кадиллак посылают в турне по стране, и это действо собирает толпы зевак, жаждущих потрогать автомобиль «короля». Поклонники примирились с отсутствием своего несравненного Элвиса, и кажется, его недоступность им даже нравится. Дело в том, что король рок-н-ролла уже недосягаем для критики. Он где-то там, вдали, на недоступном плато шоу-бизнесовской неприкосновенности. В памяти возникает параллель с Фрэнком Синатрой: как и Пресли, он настолько изменился, заработал такие астрономические суммы и приобрел в свое время такую славу, что теперь уже несущественно, что он будет делать дальше и как проведет остаток своих дней.

Все, что осталось от былого Пресли,— это его имидж (образ), то представление о нем, которое сложилось, когда ему было 21—22 года: горделивая осанка, кривоватая ухмылка, вихляющие бедра, истерический голос и золотой кадиллак, стремительно мчащий своего седока к золотым россыпям. Вся его история — это доведенный до абсолюта типичный голливудский фильм. Это удивительная легенда, повествующая о том, что происходит с миловидными мальчиками, когда их пропускают через колбасный автомат.

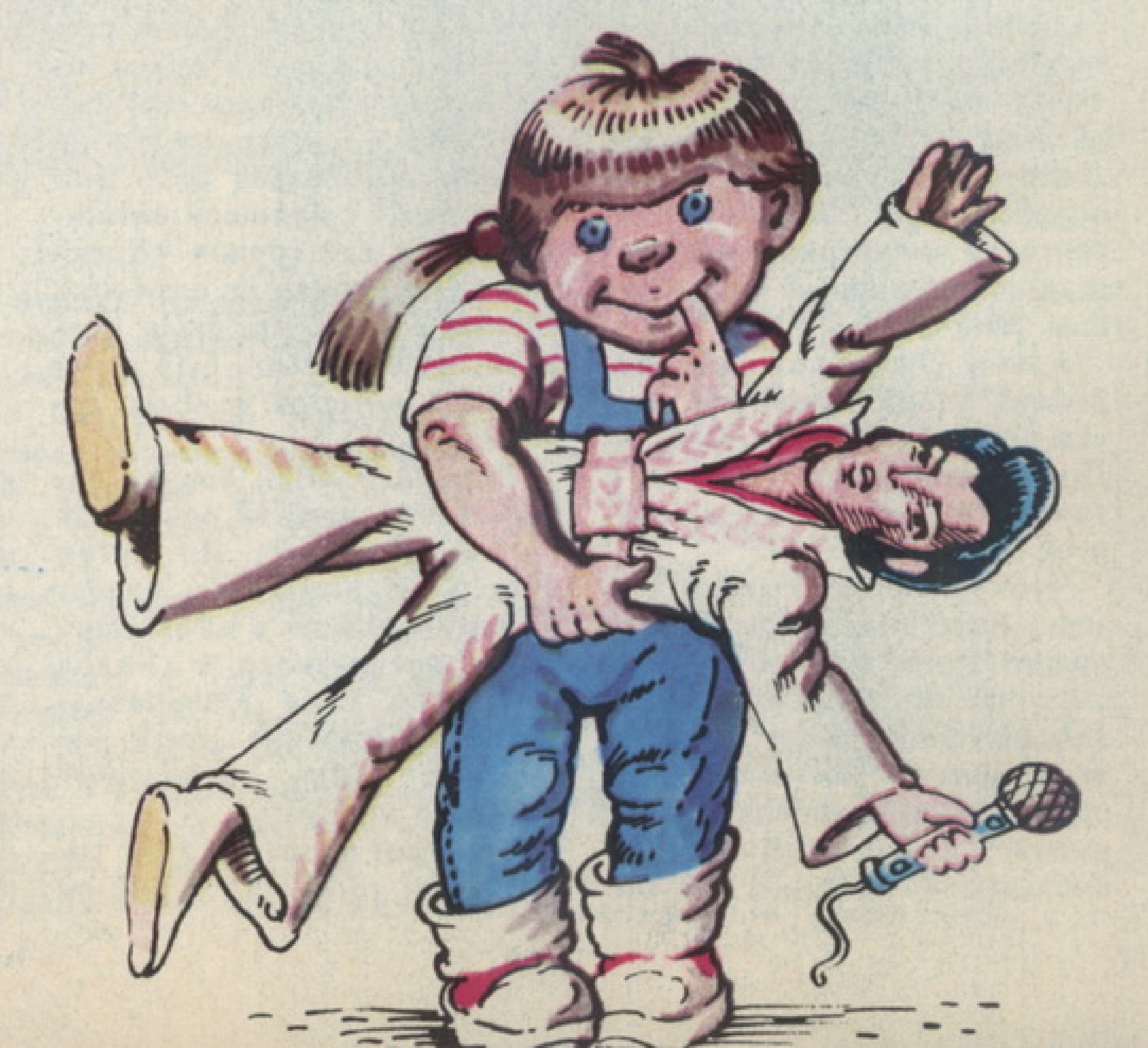
Итак, Элвис стал божеством, невидимым и недосягаемым, которое способно управлять жизнью своих поклонников, даже не показываясь. Его недоступность — спасительное преимущество, и я не вижу смысла в том, чтобы она когда-нибудь исчезла [1]. А то, что его популярность упала, не имеет никакого значения. В нашем мире привычка к поклонению непреодолима...

(Продолжение см. в № 6)

Перевел с английского
А. СОКОЛОВ

---

[1] *После 1970 года, которым завершаются публикуемые очерки Ника Кона о рок-музыке, Элвис Пресли предпринял попытку возобновить выступления перед публикой. Затянутый в былые юношеские наряды, еще более обрюзгший и располневший, он продержался на эстраде недолго. Умер Пресли в 1977 году, и с тех пор волею шоу-бизнеса мода на «короля рок-н-ролла» время от времени вспыхивает то на рынке игрушек (см. «Ровесник» № 2 за [illegible]85 г.), то на рынке грампластинок, а то и сумочек, маек и прочей галантереи.— Примеч. ред.*

ПРОЕКТ „АЛЬФА"

Энри БРОШ,
Мишель РУЗЕ,
французские журналисты

В стенах Буффальского университета, штат Нью-Йорк, шел двухдневный коллоквиум на тему «Наука, скептицизм и парапсихология». Участники слушали доклад об одном важном и, можно сказать, показательном исследовании.

Предыстория этого исследования такова. В 1979 году президент крупной авиационной компании «Макдоннелл — Дуглас» пожертвовал Вашингтонскому университету полмиллиона долларов на оснащение лаборатории парапсихологических исследований. Сумма сама по себе удивительная, а вкупе с личностью мецената тем более. Ведь авиация и парапсихология, скажем прямо, далеки друг от друга. Директором лаборатории был назначен Питер Филлипс, профессор физики, а программа исследований получила название «проект «Альфа». Что Филлипс был физиком — это хорошо: точные науки всегда внушают уважение. Филлипс начал с того, что дал объявление в газету с приглашением молодым медиумам подать на конкурс свои кандидатуры. Почему молодым? Потому что, по мнению парапсихологов, параестественная сила, или сила «пси», чаще всего наблюдается у детей и подростков. На объявление откликнулись два кандидата: Стив Шоу, 18 лет, служащий в одном из вашингтонских отелей, и Майкл Эдварс, 17 лет, студент.

Начались эксперименты. Молодых людей усадили перед столом с разложенными металлическими предметами. Медиумы «пассировали» над столом, затем предметы обследовали: если они окажутся деформированными, значит, параестественная сила проявилась. И что же? Проявилась!

В серии опытов по телепатии одному из медиумов был вручен запечатанный конверт с вложенным рисунком. Оставленный на некоторое время один на один с конвертом, юный медиум должен был при помощи своего экстрасенсорного зрения определить содержание рисунка. Затем конверт передавался лаборанту, который, убедившись в его целости, извлекал рисунок. В большинстве опытов была отмечена поразительная точность.

В другом опыте Шоу подводили к лежавшему на столе пластмассовому бруску, в бороздке которого находился металлический стержень длиной в несколько сантиметров. Его можно было извлечь, лишь перевернув брусок или с помощью какого-либо инструмента. Шоу было предложено, не передвигая брусок и сосредоточив в пальцах «пси-силу», деформировать стержень. В результате лаборанты увидели, как конец стержня вылез из бороздки и изогнулся змеей.

В следующем опыте использовалась электроцепь с легкоплавким проводником. Силу тока постепенно увеличивали, и, пока проводник полностью не расплавился, приборы отмечали проводимость. В момент сгорания проводника показания приборов регистрировались. Молодым людям предложили одним мысленным усилием ускорить сгорание проводника. Они принялись за дело: едва цепь замыкалась, оказывалось, что проводник уже расплавился!

Воодушевленный поразительными результатами опытов, профессор Филлипс перешел от электричества к электронике. Шоу должен был испытать свою «пси-силу» на видеомагнитофоне. Сидя перед камерой, он смотрел в объектив, производя свои загадочные пассы. Дважды изображение меркло, а потом появлялось вновь. Опыт был отснят на пленку официальной комиссией. Для парапсихологов действие «пси-силы» было очевидным.

Прекрасные результаты подтвердили, что с деньгами и талантливыми ребятами можно кое-чего добиться. В новом эксперименте медиумам раздали прозрачные пластиковые ящички, чтобы они дома потренировались на запертых там предметах. Ящички были обмотаны проволокой и запечатаны восковой печатью. В одном из них к стенке был прикреплен легкоплавкий предохранитель, заключенный в пробковую оболочку, с двух сторон запечатанную тем же воском. Один конец предохранителя выходил наружу. На следующий день, удостоверившись в целости печатей, ученые извлекли предохранитель, пробитый точно посередине...

Большинство опытов Стива и Майкла за три года сотрудничества с лабораторией было зафиксировано на видеопленке. Одним из изобретений специалиста лаборатории по герметическим объемам был перевернутый «аквариум», привинченный к массивной подставке. Внутри его раскладывались ложки, железные стержни и другие предметы, на которые надо было воздействовать на расстоянии. Дно «аквариума» покрывалось тончайшим слоем кофейной гущи, по которой были разбросаны маленькие пластмассовые кубики. На ночь «аквариум» был заперт в комнате на надежный замок, а ключи профессор Филлипс захватил домой. Чистота эксперимента была стопроцентной.

Утренняя смена увидела в запертом «аквариуме» искореженные и разорванные «пси-силой» предметы, а на дне — следы от передвижения кубиков. И не просто следы, а кабалистические знаки, при виде которых экспериментаторы потеряли дар речи.

Остальное было досказано на двухдневном коллоквиуме в Буффальском университете Джеймсом Ранди. И его выступление — самая удивительная часть проекта «Альфа». Ранди — профессиональный иллюзионист и активный член Комитета по научной проверке парапсихологических феноменов (КСИКОП). В свое время, прочтя объявление Филлипса, Ранди послал ему вежливое письмо с изложением мер предосторожности при опытах с участием экстрасенсов.

Филлипс не придал письму никакого значения: Ранди давно был известен своими скептическими настроениями по поводу парапсихологии. Да и Ранди умолчал в своем письме о том, что ребята, нанятые Филлипсом, его друзья и отчасти ученики. Стив в трудные времена зарабатывал «телепатией», Эдварс

слыл в своей компании «немножко магом». Уговорив их откликнуться на объявление, Ранди условился, что в положенное время правда будет открыта, а если во время опытов в лаборатории возникнут сомнения и их спросят, не втирают ли они очки, они честно признаются, что послал их сюда Ранди.

Итак, Ранди объяснил, что все описанные выше чудеса — трюки иллюзионистов. Первое. Конверты с рисунками были «запечатаны» канцелярскими скобками. Достаточно было их разогнуть, взглянуть на изображение и загнуть обратно. Эта детская хитрость чуть было не подвела Эдварса, когда он где-то потерял две скобки. Не найдя их к положенному времени, он вопреки условиям в присутствии эксперта собственноручно вскрыл конверт. Никто в лаборатории не обратил внимания на отсутствие скобок и явное нарушение чистоты опыта. Эксперимент был засчитан удачным...

Ощупывая брусок с металлическим стержнем, Шоу обнаружил, что, прижимаясь к бороздке, палец достает стержень, тогда, нажимая на него, Стиву удалось достаточно приподнять один конец и незаметно (главное для иллюзиониста — отвлечь внимание) согнуть его. Теперь, нажимая на бороздку, он поворачивал стержень, и изогнутый конец медленно поднимался, создавая у наблюдателей впечатление, что металл гнется прямо на глазах. Способ, знакомый каждому «медиуму», «гнущему» металлические предметы.

Еще один трюк, с проводником: ребятам было разрешено самим собирать приспособления для опыта, и вместо целого они вставили заранее подготовленный сгоревший проводник.

А с видеомагнитофоном? Шоу попросту крутил настройку резкости на пульте, помещавшемся рядом с камерой.

Накануне опыта с пластмассовыми ящичками Ранди был у ребят дома и на коллоквиуме рассказал, как действовал: «Чтоб не возиться с печатями, я просунул в ящик спицы и подвел их к концам сопротивления. Осталось только сбегать к машине и принести аккумулятор. «Жучок» сгорел с первого раза!..»

В тот раз удача настолько удивила лабораторию, что даже возникли сомнения в парапсихологическом характере феномена. Филлипс предположил, что, не открывая ящика, повредить предохранитель можно, если крутить ящик в центрифуге. Непонятно, конечно, как центробежная сила могла бы разорвать нить проводника, заключенного в пробковую оболочку, тем более что нет ничего проще, чем обнаружить разницу между «сгоревшим» (при помощи «пси» или какой другой силы) и разорванным проводником. Так что даже в тот единственный раз, когда парапсихологи решились критически отнестись к результатам, они исходили из абсурдной с научной точки зрения гипотезы. Самое смешное, что проделанные спицами в дне ящика дырки Ранди с ребятами залатали с помощью раскаленной иглы...

Что касается «аквариума» и кабалистических знаков, то эксперимент не так удивил бы ученых, если бы они видели, как накануне ночью два друга лезли в комнату через окно, которое они развинтили накануне. Потом в ход был пущен набор инструментов, имеющийся у любого взломщика средней руки.

Можно посмеяться над этими проделками и забыть их, решив, что с точки зрения науки они не представляют интереса. Но истинное их значение в том, что исследователем оказался Ранди с компанией, а лаборатория — подопытным кроликом... Не однажды за все три года экспериментов Ранди писал Филлипсу — он снова и снова предлагал ассистировать при опытах в качестве добровольного консультанта. Филлипс отказывался...

Подошло время заключительной фазы проекта «Альфа» и публичного признания мистификации. В двух номерах «Скептикал инквайрер» (американский ежемесячник, специализирующийся на разоблачении научных подлогов.— Ред.) Ранди рассказал историю проекта «Альфа». В мире американских парапсихологов она произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Питер Филлипс, директор лаборатории, ответил Ранди письмом, в котором поздравил его с «прекрасно задуманным и поставленным экспериментом» и выразил восхищение тем, как был осуществлен проект «Альфа».

Перевел с французского К. СЕРГЕЕВ

«ГОВОРЯЩАЯ ШТУКОВИНА»

Роберт МАКНАМАРА, американский журналист

Массивная рукоятка, катушка, покрытая фольгой,— первая звукозаписывающая машина Томаса Алвы Эдисона сегодня напоминает кухонную соковыжималку. «Соковыжималка» запела в 1877 году, а изобретатель почувствовал нечто вроде суеверного ужаса. «Я всегда испытывал это чувство, когда придуманные мною вещи вдруг начинали работать»,— вспоминал он потом. Он назвал свое сооружение «фонографом», что в переводе с древнегреческого значит «звукозаписыватель», и первое послание миру — песенка «У Мэри есть барашек» — было зашифровано при помощи неглубоких продавлин на фольге; наносили их гравировальной иглой.

Способ «снятия» записанного звука долгие десятилетия принципиально не менялся: в том своем первом фонографе Эдисон снимал звук с помощью второй гравировальной иглы, она попадала в выбоинки в фольге, и преобразованные в звуковые волны вибрации выходили через маленький рупор. Эдисону тогда было только тридцать лет, но он почти полностью оглох и не мог судить о качестве звучания своего детища. Тем не менее быстренько связался с группой театральных антрепренеров, и они организовали компанию «Говорящий фонограф Эдисона».

В течение года дела компании шли просто потрясающе: журнал «Сайентифик америкэн» назвал Эдисона «Волшебником из Менло Парк (штат Нью-Джерси)», толпы ломились в театры, кабаре и ярмарочные балаганы, чтобы послушать «говорящую штуковину». Но через год новинка приелась, компания распалась, а Эдисон занялся исследованиями электричества. Как человек деловой, он купил имущество всей компании; мы еще услышим о ней.

Последователи, руководимые Александром Грейамом Беллом, продолжили работу Эдисона и к 1885 году создали машину, которая наносила волнообразные бороздки на покрытый воском картонный цилиндр. Восковые цилиндры были долговечнее барабанов, покрытых фольгой, которые можно было проиг-

рывать не более пяти раз. «Графофоны» Белла служили в основном людям деловым, их устанавливали в офисах и правительственных учреждениях. Но в 1890 году некий Луис Гласс, владелец салуна в Сан-Франциско, установил подобный аппарат у себя: посетители за специальную плату могли прослушать записанные на валики комедийные сценки, песенки из водевилей, духовые оркестры и модный тогда «художественный свист» виртуозов-свистунов. Тем временем Эдисон снова появился на сцене: усовершенствованный им фонограф работал теперь от батареек, тяжелую ручку больше не было нужды крутить — отныне руки у слушателей были свободны, в них свободно помещался стакан с виски или с каким иным зельем, повышавшим качество восприятия прослушиваемого. И по всей Америке открылись «фонографические бары».

В 1896 году Эдисон вступил в сражение с дружественным конгломератом «Коламбия-графофон» за души тех, кто мог за пятьдесят долларов позволить себе говорящую игрушку. Борьба шла с переменным успехом, и тут объявился некий Эмиль Берлинер, иммигрант из Германии, который некоторое время проработал в лаборатории Белла. Берлинер изобрел и запатентовал способ нанесения бороздок на цинковые пластины, с которых потом можно было печатать копии на твердых резиновых дисках. Резиновые диски звучали лучше, чем восковые цилиндры, их легче было производить, перевозить и хранить. В 1901 году Берлинер основал «Виктор токинг машин компани» и начал записывать прославленных солистов Русской императорской оперы. Компания записывала певцов в студии, расположенной в Карнеги-холл в Нью-Йорке. Пластинки были очень дорогими, тем не менее их раскупали; фирменным знаком этих записей был красный круг в центре пластинки.

К двадцатым годам нашего века цилиндры совершенно вышли из моды, хотя Эдисон упрямился и продолжал их выпускать. А лучшие певцы, такие, как Энрико Карузо, стали невероятно богаты — основой их благосостояния были шеллачные диски, проигрываемые со скоростью 78 оборотов в минуту. Семьдесят восьмая скорость держалась потом еще долго.

В 1924 году популярность пластинок пошатнулась: на рынке появились радиоприемники, их качество звучания было намного выше, и цены на пластинки мгновенно заскользили вниз. Но развитие электросети, делавшей возможной радиопередачу, гарантировало и развитие пластиночной индустрии. До двадцатых годов все записи на пластинки делались акустически, теперь же звук проходил через микрофоны, и результирующий электрический импульс возбуждал звукозаписывающий механизм. Новая система дала возможность различать высокие и низкие частоты: теперь слушатели могли наслаждаться теми же оттенками и красками голосов, что и на «живых» концертах.

Размеры пластинок принципиально не менялись до июня 1948 года, когда «Коламбиа рекордз» выпустила долгоиграющий диск, скорость которого была $33^{1}/_{3}$ оборота в минуту, а каждая сторона содержала по двадцать три минуты записанной музыки.

Фирма «Эр-си-эй», попытки которой завести и у себя долгоиграющие диски окончились неудачей, ответила на вызов «Коламбии» дисками на 45 оборотов в минуту. Эти пластинки имели посреди большие отверстия, что позволяло использовать их в музыкальных автоматах. Пластинки на 78 оборотов постепенно перестали пользоваться спросом, и теперь только «сорокапятки» и долгоиграющие сражались за кошельки потребителей. Наконец установилось что-то вроде перемирия: на 45 оборотов стали записывать «синглы» — популярные песни, по одной на каждой стороне, а все остальные виды музыкальной деятельности захватили долгоиграющие.

В 1958 году потребительские массы снова всколыхнулись — техники научились записывать сразу две звуковые дорожки в одной бороздке: так появилось стереофоническое звучание. Понадобилось почти десять лет, чтобы довести стереопроигрыватели до того состояния, когда на них стало можно проигрывать и монопластинки. Проигрыватели стали называть «совместимыми». Еще большую путаницу внесло появление так называемых «пинг-понговых» пластинок, таких, где эти две звуковые дорожки стояли далеко друг от друга.

В последующие за тем два десятилетия технология прогрессировала поступательно, за исключением разве только двух потрясений, причем обе новации оказались несостоятельными: появление «квадрофонического» звучания и системы «Динафлекс», выпущенной «Эр-си-эй» (дело в том, что пластиночная индустрия начала отступать перед магнитофонами, особенно сдав позиции с появлением кассетных магнитофонов. И фирмы — производители грампластинок теперь должны придумывать всяческие ухищрения, чтобы выпущенные ими диски невозможно было переписать на магнитную пленку).

Что сулит будущее? Похоже, фирмы сделали ставку на компактные диски диаметром $4^{3}/_{4}$ дюйма, имеющие серебряное покрытие. Проигрыватели для компактных дисков на самом деле не что иное, как компьютеры, считывающие информацию с помощью лазерного луча. Качество звучания у них гораздо выше, чем у всех предыдущих проигрывателей. Время звучания такого диска семьдесят две минуты, они прочны, и лазерный луч не причиняет им никакого вреда. В настоящее время на компактные диски записано почти полторы тысячи произведений, и цена их высока, дороги и проигрыватели-компьютеры.

Техника не стоит на месте. Потребители глотают пластинки, пластинки всасывают в себя музыку, похоже, музыки скоро не хватит.

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: у памятника Владимиру Ильичу Ленину в столице революционной Кубы — Гаване, в парке, носящем имя вождя мирового пролетариата.
Фото П. БОГОМОЛОВА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Н. А. Строева

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 05.02.85. Подп. к печ. 26.03.85. А13303. Формат $84\times108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 169.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

28

ПЕСНИ ТЕХ, ФЕСТИВАЛЬНЫХ, ЛЕТ

«Речка движется и не движется...» Композитор В. Соловьев-Седой и поэт М. Матусовский написали «Подмосковные вечера» в канун VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, состоявшегося в Москве в 1957 году. С тех пор эта песня облетела весь свет и стала как бы визитной карточкой нашей страны. Ее, конечно, будут петь и участники предстоящего XII фестиваля. Мы хотим напомнить читателям «Ровесника» слова «Подмосковных вечеров», даем перевод на английский язык, потому что в радостные вечера предстоящего лета эта песня, несомненно, облегчит общение с гостями фестивальной Москвы. Мелодия «Подмосковных вечеров» — это общий язык, помогающий сердцам понять друг друга.

ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня.
Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

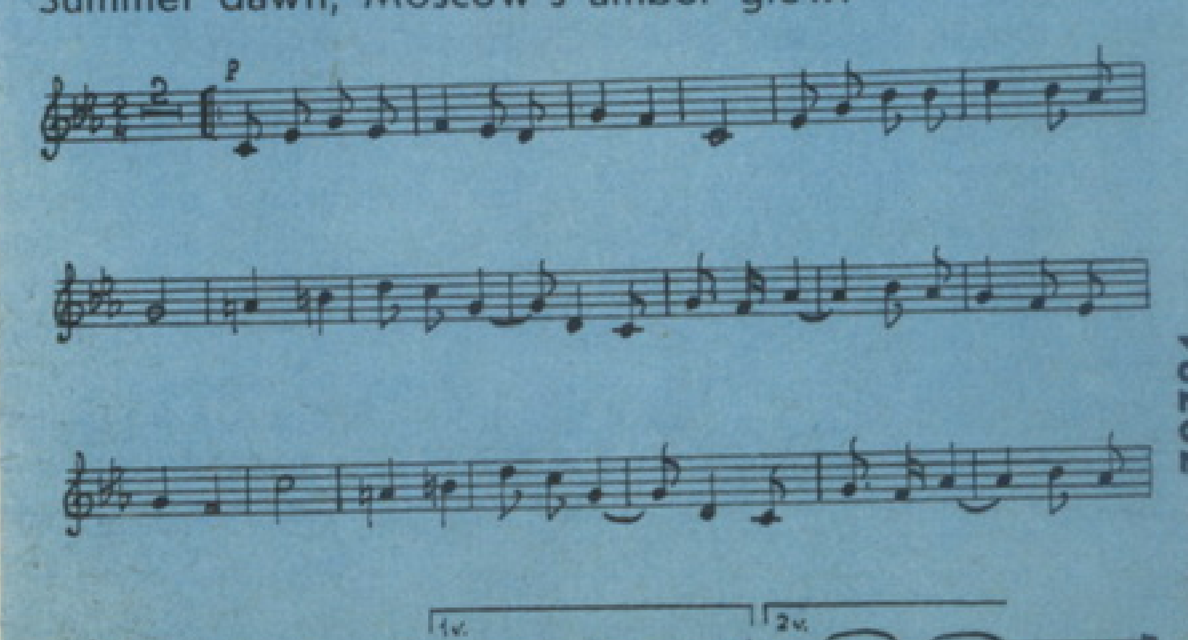
А рассвет уже все заметнее.
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.

Not a whisper's heard, not a rustling sound,
Now the woodlands sleep till the dawn.
Words can not be found for this
charm profound,
Moscow woods from the eve till morn.

Placid streams I see and they seem to be
Moonlight's silver threads through the dells,
Half-heard melody, lingering rhapsody,
Over Moscow lies twilight's spell.

Tell me, darling, why your sweet
glance is shy,
Why you hang your head when I'm near,
I can never tell, yet must ever tell
How my soul longs for love, my dear.

Faint horizon's light in this
fading night,
Deep down in your heart you must know
You'll recall the sight of this first
soft night,
Summer dawn, Moscow's amber glow.

Индекс 70781
Цена 35 коп.